

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
(СОФ НИУ «БелГУ»)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ДУХОВНЫЙ РЕАЛИЗМ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА И.С. ШМЕЛЁВА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061152
Фильчаковой Ирины Николаевны

Научный руководитель
к.фил.н., доцент
Смелковская М.Ю.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Взаимосвязь духовного реализма с художественным миром	
И.С.Шмелева.....	8
§1. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе.....	8
1.1. Религиозно-нравственные основы художественного мира писателя.....	11
Глава II. Концепция духовных исканий главных героев повестей «Человек из ресторана» и «Неупиваемая чаша» в художественном наследии	
И.С.Шмелева.....	21
§1. Духовные ценности в жизни Я.Скороходова из повести «Человек из ресторана».....	21
§2. Духовная радость как путь к вере и смысл жизни главного героя повести «Неупиваемая чаша».....	27
Глава III. Духовная сущность бытия в повести И.С.Шмелева «Лето Господне».....	34
§1. Религиозная духовность повести «Лето Господне».....	34
§2. Духовное становление детской души в изображении И.С.Шмелева.....	45
§3. Методические рекомендации по составлению программы элективного курса «Литература русского Зарубежья».....	53
Заключение.....	57
Список использованной литературы.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Иван Сергеевич Шмелев - выдающийся писатель первой половины XX века, творчество которого до сих пор не только не изучено всесторонне, но и до конца не издано. На родину его произведения возвратились лишь в конце XX века и сразу же заняли почетное место в истории русской литературы. Сегодня происходит возвращение-воскрешение Шмелева-писателя, который еще недавно зачислялся присяжными профессорами-словесниками в разряд натуралистов, бескрылых бытописателей. Феномен Шмелева едва ли не самый удивительный во всем возвращенном мире русской литературы нашего века.

Проблемы, волновавшие писателя в разные периоды его жизни, их художественное воплощение и разрешение определяют специфику творческой манеры писателя, которая складывалась в течение всей его жизни. Неотъемлемой чертой у Шмелева было патриотическое чувство, пылкая любовь к родной земле и ее истории, героическому прошлому. Домашнее воспитание глубоко заронило в его душу любовь к России, веру в победу высшей справедливости, тягу к нравственно-духовным и религиозным исканиям.

Шмелев вошел в литературу как писатель, мастерски владеющий богатством народной речи. «Писатель сильного темперамента, страстный, очень одаренный и подземно навсегда связанный с Россией, с Москвой, а в Москве - с Замоскворечьем», — так писал о Шмелеве Борис Зайцев, много лет близко знавший писателя [Михайлов 1995: 52].

Пристальное внимание литературоведов обращено на православные основы произведений писателя. Эта коренная особенность его творчества, замалчиваемая в советском литературоведении, в последнее время выдвинулась в разряд важнейших. Изучению жизни и творчества И.С. Шмелева посвящены работы А.М. Любомудрова, О.Н. Сорокиной, А.П. Черникова, И.А. Есаулова, Т.В. Марченко, М.Г. Смирновой и других литературоведов.

Шмелев первый из писателей, кто изображал так подробно, очень глубоко и ярко церковное бытие в художественных произведениях. Во многих из них большое место отведено молитвам и богослужениям. При этом писатель заземляет религиозное чувство, тесно переплетая его с повседневным существованием человека. Православие для него – это сама жизнь, духовная сущность бытия и национального характера. Шмелев стремился «обожить» искусство, создать «новую эстетику». С годами это стремление лишь крепло, определив своеобразие творческих исканий писателя.

Литературоведы считают, что в своих ранних произведениях писатель развивал традиционную для русской литературы тему «маленького человека». Автор не только симпатизирует своим героям, но и наделяет их «душой живой», и они превосходят по своему нравственному развитию тех, кому вынуждены подчиняться или служить. Однако уже в ранних произведениях Шмелева зазвучал христианский мотив прихода через муку и скорбь к «сиянию» жизни [Аганосов 1998: 9].

Вершиной дореволюционного творчества Шмелева является повесть «Человек из ресторана» (1911), выдвинувшая его в ряды крупнейших писателей-реалистов серебряного века. В этом произведении писатель достиг особой остроты и художественной выразительности в изображении противоречий жизни, показал глубоко и ярко драматизм судьбы простого человека, сложность его социального сознания и духовных исканий.

Критика того времени не случайно сравнивала повесть Шмелева с лучшими страницами произведений Гоголя и Достоевского, посвященных страданиям «бедных людей». Действительно, идея защиты человеческого достоинства «униженных и оскорбленных» стала в «Человеке из ресторана» стержнем, организующим все произведение. Она определила собою его сюжетно-композиционную структуру, выбор и группировку персонажей, сказовую форму повествования, создающую иллюзию звучащей, спонтанно произносимой речи и позволяющую преломить события личной и

общественной жизни сквозь «магический кристалл» души героя. В «злобе дня» в общественной борьбе той поры это сыграло ключевую роль, выдвинув Шмелева в первые ряды русских писателей-реалистов [Любомудров 2012: 14].

В 1918 году, когда на полях России закипела братоубийственная война, писатель создает повесть-поэму «Неупиваемая чаша». Сама обстановка подсказала писателю ухватиться за спасительный образ Пресвятой Богородицы. В этой повести Шмелев возвал к идеалам великой христианской любви к Красоте как Божественной Благодати, которая только и может спасти мир, преобразив духовно человека.

«Неупиваемая чаша» — произведение религиозно-философского плана, в котором, используя излюбленный прием сказового повествования, писатель изображает иконописца-самородка, его нелегкую судьбу, духовное и творческое подвижничество. Писатель закончил повесть не смертью художника, а жизнью чудодейственного творения. Он на Божью милость надеялся: выздоровеет еще больная, любимая им родина. В этом произведении Шмелев высказал свою позицию по отношению к творившемуся в стране переустройству, переделу, грабежу, но высказал исподволь, завуалировано [Минералова 2003: 3].

Христианские ценности становятся все более не востребованными, не только как следствие «их устарелости и не современности», но неправильного их толкования. Часто людям нужна не осведомленность, а те вещи, которые могут дойти до них, нужен живой контакт, как между читателем и ребенком в «Лете Господнем», который может взволновать душу, дать толчок для мысли, вдохновить. Поэтому книга «Лето Господне» является уникальной. В ней автор подводит к пониманию того, что существуют высшие силы — как в нас самих, так и вне нас, — которые одни только и способны помочь нам жить достойно, преодолевать невзгоды и испытания, творить добро ближнему, радоваться хорошему и отвергать дурное. Шмелев написал эту книгу, в которой «учительная сила» выступает

ненавязчиво, незаметно, с глубокой верой в правоту, что составляло для него самого смысл жизни.

Здесь, посреди огромного двора, в окружении мастеровых и работников вроде умудренного филенщика Горкина, купцов и духовных лиц ребенок увидел жизнь, исполненную истинной поэзии, глубокой религиозности, патриотической одушевленности, доброты и несказанной душевной щедрости. Иной дух царил в замоскворецком дворе Шмелевых, куда со всех концов России стекались рабочие-строители. Читатель встретит эту красочную разноликую толпу, представляющую собой, кажется, всю Россию, на страницах книги «Лето Господне». Мир «Лета Господня» реален, осязаем в деталях, запахах, звуках, красках. Это мир купеческого дома, старой Москвы, церкви, дореволюционной православной России. Книга «Лето Господне» написана о самом дорогом, что виделось и видится Шмелевым в жизни [Макаров 2008: 14-15].

Из всего вышесказанного следует, что особую **актуальность** в наше время приобретает исследование одного из явлений культуры XX века – опыта воцерковления художественного творчества И.С.Шмелева, эстетического освоения духовной реальности, которое в современной науке получило название «духовный реализм». Именно в показе церковного бытия, глубин души русского христианина, его религиозного православного мировосприятия Шмелеву нет равных во всей отечественной литературе XX столетия.

Объектом исследования работы являются повести И.С.Шмелева «Человек из ресторана», «Неупиваемая чаша» и «Лето Господне».

Предметом изучения являются духовные искания главных героев И.С.Шмелева из повестей «Человек из ресторана», «Неупиваемая чаша» и «Лето Господне».

Цель данного исследования заключается в определении взаимосвязи духовного реализма с художественным миром И.С.Шмелева.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Дать определение понятия «духовный реализм».
2. Проанализировать религиозно-нравственные основы художественного мира писателя.
3. Определить духовные ценности главных героев повестей «Человек из ресторана» и «Неупиваемая чаша».
4. Выявить духовную сущность бытия в повести «Лето Господне».
5. Проанализировать процесс формирования духовных качеств ребенка в момент постижения им мироощущения православной культуры.

Методологическую основу исследования составляют описательный метод, аналитический метод и метод наблюдения.

Структура выпускной квалифицированной работы состоит из Введения, Основной части, состоящей из трех глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Глава I. ВЗАИМОСВЯЗЬ ДУХОВНОГО РЕАЛИЗМА С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ МИРОМ И.С.ШМЕЛЕВА

§1. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе

Духовный реализм - тип художественного отображения, осваивающий духовную реальность, то есть реальность духовного уровня мира и духовной сферы бытия человека, реальность присутствия Бога в мире.

Опыт эстетического освоения духовной реальности, запечатленный в творчестве русских писателей Нового времени, в ряде научных работ получил название «духовный реализм». Картина соотношения литературы с христианской духовностью очерчена в большей степени в отношении века XIX-го, нежели XX-го. Между тем именно в XX столетии происходит интереснейший процесс: начинает воцерковляться художественное творчество, православное мировоззрение сближается после долгого разрыва со светским искусством, восстанавливается ценностный порядок, который был заложен в основе средневековой христианской культуры [Аванесян 2013: 13].

В современном литературоведении, посвященном религиозной проблематике, стало уже привычным употребление терминов «духовное», «душевное», «телесное» в их богословном значении. Христианская антропология восходит к суждениям апостола Павла о «человеке душевном» и «человеке духовном», имеющем «ум Христов», о различии «жизни по плоти» и «жизни по духу» [Апостол Павел: 2007]. Если к душевной стороне относятся мысли, желания, чувства, воображение, способность познания, то дух, согласно свт. Феофану Затворнику, - *«высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу»* [Феофан Затворник 2011: 8]. Понятие «духовный» применительно к обсуждаемым в работе явлениям, употребляется в религиозно-философском, а не общекультурном значении.

«Духовность» подразумевает строго христианскую духовность, как качество той сферы личности, которая взаимодействует с трансцендентным началом.

В современном литературоведении складывается традиция употребления понятия «духовный реализм», под которым подразумевается специфическое художественное мироосмысление, присущее ряду классиков XIX и XX веков. Признаки духовного реализма А.П.Черников усматривает в «цельном православном мировоззрении» писателя и «устремленности его творчества к Абсолюту» [Черников 1995: 316]; В.А.Редькин – в присутствии в произведении «реальности иного духовного мира» и «облечении христианских идеалов в художественную форму» [Редькин 1999: 46]; А.А.Алексеев – в поиске «возрождения человека на путях веры и христианской любви», ориентации на «Царство Небесное» [Алексеев 1998: 22]; М.М.Дунаев – в освоении пространства вне «душевной сферы бытия, над нею» [Дунаев 1999: 363].

Несомненно, русская классика XIX – начала XX веков достигла грандиозных высот в художественном отношении. Отечественная литература большое внимание уделяет внутреннему миру личности, напряженной устремленностью к совершенству (по-своему понимаемому каждым писателем), обостренной совестью, сочувствием и состраданием к человеку. Большинству классиков не был характерен приземленный прагматизм и утверждение комфорта как конечной цели существования. Свои лучшие качества литература Нового времени унаследовала в том числе и от христианского Средневековья. Но движение литературы с годами постепенно отошло от религиозной сферы, понимание человека порой решительно расходилось с христианскими (православными), взгляд на мир стал иным. Церковь (как богочеловеческий организм) оказалась вне сферы художественного внимания. Особенность историко-литературного развития XVIII – начала XX веков в том, что христианство (православие) так и не получило адекватного воплощения в художественной литературе.

Вероятной причиной было то, что, находясь в России, писатели просто не замечали православия, как не замечают воздух, пока он есть. Вероучительные догматы и олицетворявшая их церковь казались слишком привычными, слишком казенными, неодоухотворенными. Мистический Богочеловеческий смысл церкви в сознании большинства представителей интеллектуальной и творческой элиты был утрачен. Поэтому с пробуждением интереса к религиозной теме на рубеже XIX – XX столетий художественные поиски пошли по пути обновления, преодоления, отталкивания от «церковности», культуuroобразующий слой общества устремился новых религиозных систем [Алексеев 1998: 22].

В России в начале XX века христианские искания всячески пресекались. В те годы имела право существовать атеистическая идеология. Продолжать православные традиции стали писатели-эмигранты. Жизнь вдали от родины подтолкнула русских изгнанников к осмыслению «русской катастрофы», и там, на чужбине, некоторые из них пришли к выводу, что всему виной является потеря духовных ценностей русского народа. Таких художников-реалистов было немного. Самыми православными оказались И.Шмелев и Б.Зайцев, которые, несмотря ни на что, не оставили своих религиозных идей.

В последнее время интерес ученых к религиозной теме значительно возрос. Это объясняется тем, что сфера религии активно проникает в повседневную жизнь, влияя на духовно-нравственное воспитание молодежи в новой России, утратившей идеологию коммунистического общества. В связи с этим творчество Шмелева приобрело широкую известность, так как оно передает сложную систему духовно-нравственных взглядов писателя, в которых нашли отражение постулаты русского православия.

1.1. Религиозно-нравственные основы художественного мира писателя

И. С. Шмелев родился 21 сентября 1873 года. Дед его – крестьянин из Московской губернии – старовер, борец за истинную веру. Предки матери тоже вышли из крестьянства. Их семья отличалась патриархальностью, была религиозной, все члены семьи вели строгий образ жизни. Дома будущий писатель не видел книг, кроме Евангелия. Зато во дворе он узнал много других различных слов от ремесленников и сапожников, скорняков и портных. Двор оказался для Шмелева первой школой правдолюбия и гуманизма, что во многом предопределило характер его будущего творчества и позицию писателя-защитника обиженных и угнетенных.

Ближе всего Шмелеву было Замоскворечье, там проживали купечество, мещанство, и фабричные, и заводские люди. Здесь, во дворе, он увидел простой народ, привык к нему, не боялся ни ругани, ни их криков, так как на него смотрели искренне и с добродушием. Летними вечерами, после трудового дня, он любил слушать рассказы о деревне, сказки, ждал, когда его сажали в конюшнях на лошадей, гладили ласково. Первые понятия о доброте, милосердии и душевном сострадании он получил от простых людей с мозолистыми руками и добрыми глазами, и всегда испытывал любовь и уважение к этому народу, который все мог: вырезать из досок фигурки, ковать лошадей, писать красками чудеса, петь песни и рассказывать сказки. Все это заронило в его душу многое: и мартовскую капель, и вербную неделю накануне Пасхи, и воспоминания от путешествий по Москве. Детство, проведенное в Замоскворечье, станет главным источником его творчества [Смирнова 1991: 14].

Шмелев от природы был наделен страстью к устному слову. Мальчиком он говорил и с людьми, и с игрушками, и с различными предметами. Но с еще большей жадностью маленький Ваня впитывал многочисленные истории своего любимца дядьки Горкина, и даже самые незатейливые из них позже предстали в памяти писателя в ореоле святости.

Детство писателя кончилось рано: отец его, большой любитель верховой езды, однажды был сброшен необъезженной лошадыю и умер от мозговой болезни, когда мальчику было семь лет. Это было первое большое горе. Отца Шмелев любил благоговейно. Не случайно именно он и Горкин станут в центр его главной книги «Лето Господне».

Заслуга матери писателя заключалась в том, что она добилась того, чтобы все пятеро детей получили отличное образование. Шмелев во время обучения в гимназии очень много читал и перечитывал произведения классической литературы. Увлекался также театром, музыкой. С поступлением в гимназию ему стали доступны книги Жюль Верна, Майн Рида. Они открыли перед ним прекрасный мир недостижимого. Благородные люди, отважные храбрецы. Он мечтал быть там, с ними. Перед словом «писатель» он благоговел.

Когда Шмелев учился в первом классе в гимназии, у него было прозвище «римский оратор», так как он был замечательным рассказчиком и большим знатоком сказок. Незабываемыми для юного гимназиста остались встречи с А. П. Чеховым. Возможно, что эти встречи оказались судьбоносными в выборе жизненного пути. Чехов остался для Шмелева на всю жизнь истинным идеалом. Запомнил Шмелев и учителя словесности в гимназии Ф.В. Цветаева, который позволял ему писать сочинения в классе на творческие темы, например – «Утро в лесу», «Осень по Пушкину» или «Русская зима», а не сочинение-рассуждение на лингвистические темы «Чем отличаются союзы от наречий» [Михайлов 1995: 52-57].

Будущий писатель всегда много читал, его духовный мир обогатили произведения Пушкина и Крылова, Короленко и Успенского, Тургенева и Толстого. Известно, что роман-эпопею «Война и мир» Л.Н.Толстого он прочитал будучи в шестом классе и был поражен творением писателя и величием могущественного писательского таланта. Но первые литературные опыты самого Шмелева были не совсем удачны. Неожиданно успех пришел с рассказом «У мельницы», который был написан за один вечер. Этот рассказ

был опубликован в «Русском Обозрении» в 1895 году. Шмелев решил посвятить себя литературе. У него были небольшие средства, на которые он покупал книги Достоевского, Чехова, Дарвина, Островского, Щедрина, Гончарова. Из зарубежной литературы писатель интересовался произведениями Флобера, Золя, Мопассана.

Летом 1895 года Шмелев обвенчался с Ольгой Александровной Охтерлони, дочерью героя Севастопольской обороны, генерала А.А.Охтерлони. Знатная дворянка, имевшая шотландских предков из королевской династии Стюартов, не только не побоялась связать свою судьбу с купеческим сыном, но стала его настоящим ангелом-хранителем. Новая волна религиозных чувств нахлынула на Шмелева во время свадебной поездки на Валаамский монастырь. Знаменитый монастырь, природа острова и сам воздух этих святых мест потрясли молодого писателя. Из путешествия он вернулся словно пробудившийся, с воскресшим в душе детски-чистым религиозным чувством. То, что он там увидел, было для него неожиданным. «Светлый Валаам» предстал перед писателем суровым трудовым ритмом послушников. Их сила духа и самоотверженность приводят его в восхищение. Но, наряду с этим, писателя возмущают отдельные стороны монашеской жизни: тунеядство пастырей, их «аскетизм». Своими впечатлениями от поездки Шмелеву не терпелось поделиться. Так появились его очерки «На скалах Валаама». В самой первой редакции этой книги Шмелев уделил особое место негативным сторонам, касающимся обитателей монастыря, поэтому книгу не приняла цензура. Несмотря на то, что книга все-таки вышла в печать, славы она писателю не принесла. Разочарованный молодой писатель отходит от писательства на целое десятилетие [Михайлов 1995: 58-60].

Рождение сына, окончание университета, прохождение воинской повинности, а позже – служба помощником присяжного поверенного отдаляют Шмелева от литературы. Восемь мучительных лет службы позволили ему в полном объеме познакомиться с жизнью провинциального

народа, обогатили его знанием об уездной России. Однако не следует считать, что эти годы прошли для писателя бесследно. За это время, повидав окружающий его мир, Шмелев сформировался как писатель, в произведениях которого внутренний мир человека стал самым главным. Шмелев решает оставить службу и целиком отдаться литературной работе.

Второе вхождение в литературу произошло очень стремительно. В 1905 году произошел творческий подъем писателя. Шмелев создает произведения для детей. Его рассказы пронизаны солнечным светом и искренней любовью. Тогда его талант заметил Максим Горький и поспешил привлечь к литературе. Шмелев знакомится с Зайцевым, Буниным, Куприным, Телешовым, Серафимовичем, становится членом литературного кружка «Среда». Его вышедшие в свет произведения заставили критиков говорить о восходящем таланте [Дзыга 2016: 161-162].

В тот период начинающий писатель Шмелев еще не был озадачен идеями духовно-нравственного совершенствования человека, так как сам считал себя «никаким по вере». Взгляды писателя ограничивались рамками «умеренного» демократизма. Он справедливо не верил в возможность скорых и радикальных преобразований в России. Произведения Шмелева этого времени характеризуются, прежде всего, углублением социально-нравственной проблематики. Тем не менее, по мнению некоторых критиков, религиозные нотки звучат и в раннем периоде творчества писателя. В повести «Человек из ресторана» (1911), герой утешается правдой не революционера-сына, а некоего торговца: *«Добрые-то люди имеют внутри себя силу от Господа»* [Шмелев 2014: 156].

Дальнейшие духовные искания Шмелева постепенно будут преодолевать медленный, трудный путь к вере.

С возвращением на родину художественного наследия писателя, современных исследователей стала чаще привлекать проблема «Православие и художественное творчество Шмелева». В настоящее время существуют несколько точек зрения на эту проблему.

Одна из них принадлежит известному ученому, доктору филологических наук, А.М. Любомудрову. Он считает, что душевные потрясения привели Шмелева в 1920 году к серьезному духовному перелому и значительно отразились на последующем творчестве художника. Именно этот перелом позволил писателю создать лучшие произведения, где он не только ярко описал церковный быт, но, «как никто до него из русских писателей, глубоко и полно воссоздал целостное православное мировоззрение» [Любомудров 1994: 12]. Как и для многих эмигрантов, для Шмелева начало 1920-х годов стало временем осмысления «русской катастрофы». До Октября, считает исследователь, Шмелев создает произведения «гуманистические по духу, вдохновленные надеждами на земное счастье людей в светлом будущем и уповает на социальный прогресс и просвещение народа» [Любомудров 1994: 13]. Писателя занимают социальные и нравственно-психологические аспекты личного и народного бытия. И даже «рассуждения его героев, - пишет Любомудров, - о тайне жизни, о неких силах и законах, управляющих миром, как правило, представляют собой расплывчатые философские мечтания» [Любомудров 1994: 13]. Характеризуя пережитый писателем духовный перелом, Любомудров делает акцент на роли внешних обстоятельств, связанных с событиями Октябрьского переворота, ужасами кровавой бойни 1920-1921гг. и гибелью сына, участника гражданской войны. В этот период современники замечают большие изменения как в самочувствии писателя, так и в его духовном и эмоциональном настрое. Встретивший Шмелева в Берлине в 1922 году Б.Зайцев вспоминал, что тот находился в состоянии «внутренней убитости». Писательство было для Шмелева целительным процессом, где он изливал всю боль и страдание своей души. Безмерное горе личной утраты, память о потерянной и униженной родине, робкая надежда на ее возвращение – вот чем стали насыщаться его дальнейшие произведения.

Исследуя раннее творчество Шмелева, Любомудров приходит к выводу, что оно не было религиозным. «Церковные обряды, таинства, если и

отражаются на страницах его книг, – пишет он, – то играют, либо эстетическую роль, как «символы» чего-то радостного и возвышенного, либо освещаются с чисто рационалистических позиций» [Любомудров 1994: 14]. Литературовед допускает в раннем творчестве «некую тоску – то грустно-меланхолическую, то сгущающуюся до безысходного отчаяния – по чему-то светлому и подлинному» [Любомудров 1994: 14], но не постепенную духовную эволюцию. Он глубоко убежден, что о религиозном мироощущении писателя на данном этапе не может быть и речи.

Совершенно другой точки зрения придерживается М.М. Дунаев. Он считает, что все творческое наследие Шмелева проникнуто христианскими идеями, весь творческий путь свидетельствует о постепенном, но неуклонном духовном восхождении писателя. Уже в самых ранних произведениях, утверждает исследователь, присутствуют христианские мотивы, писатель прямо или косвенно затрагивает христианскую тему.

Подлинным художественным открытием Шмелева явилось изображение воцерковленного бытия. Жизнь его персонажей тесно связана с церковью. Характер личности, устремленный к Богу, раскрывается динамически, в процессе внутреннего роста. Творческий метод Шмелева современные исследователи (М.М.Дунаев, А.М.Любомудров, А.П.Черников) именуют духовным реализмом. Исходная посылка этого метода – признание реальности Бога, Его присутствие в мире, Его Промысла, Его решающего воздействия на судьбы человека и всего человечества. В духовном реализме, исходящем из теоцентрической концепции мира, в качестве предмета художественного изображения выступает духовная реальность. Отсюда – столь акцентированное внимание к проблеме чуда, которое в прозе Шмелева выдвигается на первый план. Чудо для писателя есть не только нечто мистическое, непостижимое, но и реальное, достоверное. Шмелев впервые широко ввел в литературу чудо как непосредственное действие Промысла в мире [Дунаев 2000: 121].

Вся проза Шмелева опирается на факт, повышенный документализм доминирует в художественных произведениях писателя. Почти все главные персонажи главных его книг – реальные лица, с которыми автор был знаком. Эстетическая особенность духовного реализма Шмелева – его высокая эмоциональность, необычайная сила вещной образной выразительности. Отличительным свойством повествовательной манеры Шмелева является использование сказа. Автор очень умело перевоплощается в своих героев, мастерски объективирует их мировоззрение.

Сила шмелевского слова заключена в формальном следовании канону религиозной литературы. В последний период тексты Шмелева – своеобразные жития, сказы - исключают эстетизм как фундамент творчества в пользу иконографичности, отодвигаются на второй план стилистические излишества и «культурный груз» в пользу... духовной реальности, которая, по замыслу писателя, превосходит любой самый утонченный художественный вымысел [Любомудров 2000: 215].

Долгое время наше литературоведение не затрагивало вопрос о духовных поисках Шмелева, о его религиозности и мировосприятии. Критики считали его представителем демократического направления, художником критического реализма в русской литературе начала века. В отличие от советской критики в литературе русского зарубежья тема духовных исканий Шмелева вызвала особый интерес. Среди лучших работ, сохранивших значение до настоящего времени – статьи писателя, философа Ивана Ильина.

«Великим мастером слова и образа» назвал И. Шмелева И.А. Ильин в своей книге «О тьме и просветлении» [Ильин 1991: 32]. И эти слова как нельзя более точно характеризуют суть творчества выдающегося русского писателя. Лучшие произведения Шмелева отличаются гуманизмом, страстной убежденностью в конечном торжестве идеалов добра и справедливости, красотой нравственного чувства, глубокой выстраданной любовью к России и ее народу. Быть, по его словам, «писателем родным,

национальным, в лучшем смысле слова тем, под трудами которого может смело стоять подпись русскими буквами», «быть выразителем родного и нужного», «звать к свету, к бодрости, к вере в то, что и в простых сердцах, и в бедных людях заложены великие возможности» [Ильин 1991: 31], - в этом видел для себя Шмелев высшее счастье и смысл деятельности. В наибольшей степени это творческое кредо писателя было реализовано в период его жизни за границей.

В своей книге «О тьме и просветлении» Ильин пришел к заключению, что с точки зрения духовных ценностей Православия Шмелев являет собой высший тип писателя – «Он подлинно национальный, - писал Ильин в своей книге, – в Шмелеве - художнике скрыт мыслитель. Но мышление его остается всегда подземным и художественным. Верой в Россию исполнено творчество религиозного писателя И. С. Шмелева» [Ильин 1991: 31-32].

Анализируя творчество Шмелева, Ильин пишет о всеобъемлющей любви писателя к России как о великой духовной ценности, ставя его в один ряд с классиками русской литературы. «Так о России не говорил еще никто. Но живая субстанция Руси – всегда была именно такова. Ее прозревали Пушкин и Тютчев. Ее осязал в своих неосуществимых замыслах Достоевский. Ее показывал в своих кратких простонародных рассказах Лев Толстой. Ее проникновенно исповедовал Лесков. Раз или два целомудренно и робко ее коснулся Чехов» [Ильин 1991: 31-36].

По мнению Ильина, все книги Шмелева – это «исповедь раненного сердца» писателя, который всегда находился вне всяких литературных «течений», «направлений» и «школ». Ильин пишет о Шмелеве как о «поэте мировой скорби», т.к. он сам изведal эту скорбь до дна, и потом преподнес нам в своих живых трагических и лирических образах. «Этим, - пишет Ильин, - и выражается основной смысл творчества и искусства Шмелева. Шмелев, подобно Достоевскому, есть ясновидец человеческого страдания» [Ильин 1991: 38].

Важным этапом в духовной эволюции И.С.Шмелева стала встреча с Ольгой Александровной – будущей женой писателя. Она сыграла исключительную роль в его духовном прозрении. Об этом пишет богослов и философ А.В. Карташов, сблизившийся со Шмелевым уже в Париже: «Она потихоньку очистила от пыли божницу, заправила остывшую лампадку и засветила ее» [Давыдова 1996: 8].

Шмелева высоко ценили И. Ильин, И. Куприн, Б. Зайцев, К. Бальмонт, Г. Струве. Архиепископ Чикагский и Детройтский Серафим (знакомый со Шмелевым по миссионерской обители преподобного Иова Почаевского на Карпатах) писал о нем так: «Дал Господь Шмелеву продолжить дело заветное Пушкина, Гоголя, Достоевского – показать смиренно-сокровенную православную Русь, душу русскую, Божиим перстом запечатанную» [Басинский 1998: 118].

Таким образом, следует сделать вывод, что творческий путь Шмелева-писателя нераздельно связан с его духовной жизнью, в которой он шаг за шагом постепенно заново обретал веру. От юноши либерально-демократических взглядов, воплощенных в ранних очерках, повестях, рассказах он прошел путь к глубоко верующему, воцерковленному человеку, осмыслившему жизнь старой и новой России в произведениях, признанных классическими образцами русской прозы XX века. В некотором смысле его творчество – это запечатленный в слове путь к своему духовному отечеству – православию, где каждое произведение – это акт духовной жизни, шаг на пути к спасению. В силу того, что Шмелев в своем творчестве изображает духовные реалии, радость видит в духовной сфере, реализм его есть духовный.

В творчестве Шмелева, пожалуй, впервые эпически масштабно, глубоко и реалистически достоверно запечатлен православно-религиозный опыт народа, «изнутри» раскрыто его воцерковленное бытие. Особая ценность художественного наследия Шмелева в том, что его произведения представляют собой ярчайшие и подробнейшие иллюстрации российской

жизни начала XX-го столетия. В них читатель знакомится с историческим бытом Москвы, традициями и обычаями того времени. Религиозные празднества, обряды тысячелетней давности, множество драгоценных мелочей отошедшей жизни воскрешает в своих произведениях писатель, поднимаясь, как художник, до высот словесного хора, славящего Замоскворечье, Москву, Русь. Поражает и языковое мастерство Шмелева. Писатель, используя книжную и просторечную лексику, архаизмы, церковнославянизмы, пословицы и поговорки, создает неповторимый, многоцветный мир речи своих персонажей.

Сейчас, когда наше поколение пытается восстановить утраченные духовные ценности, обратившись к творчеству Шмелева, необходимо продолжать его начинания по возрождению духовного начала. Проблема наследования духовных традиций наиболее четко и основательно представлена во многих его произведениях, особенно в «Богомолье» и «Лете Господнем». В этих диалогиях жизни герои упиваются счастьем бытия, ощущают в душе благодарность Творцу за красоту им созданного мира. Для Шмелева всегда первостепенное значение имел духовный опыт, накопленный народом в течение веков, вне которого жизнь обречена на разрушение и гибель. Поэтому именно сейчас в современном мире очень важно создать заново неповторимую страну и стать народом, в котором чистое духовное начало будет преобладать над всем низменным.

**Глава II. КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНЫХ ИСКАНИЙ ГЛАВНЫХ
ГЕРОЕВ ПОВЕСТЕЙ «ЧЕЛОВЕК ИЗ РЕСТОРАНА» И
«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАСЛЕДИИ
И.С.ШМЕЛЕВА**

**§1. Духовные ценности в жизни Я.Скороходова из повести
«Человек из ресторана»**

В 1911 году наступил звездный час дореволюционного творчества И.С.Шмелева. Появляется самое значительное произведение того времени – повесть «Человек из ресторана», сразу сделавшая Шмелева известным на всю Россию и впоследствии принеся ему мировое признание. В появлении этой «тузово́й» вещи, да и в самой судьбе писателя важную и благотворную роль сыграл М. Горький. Именно ему Шмелев во многом обязан завершением работы над повестью «Человек из ресторана», которая выдвинула его в первые ряды русской литературы. В письме М.Горькому от 22 декабря 1910 года писатель поделился с ним замыслом этой повести. Шмелеву хотелось выявить слугу человеческого, который по своей специфической деятельности как бы в фокусе представляет всю массу слуг на разных путях жизни. В таком замысле повести обнаруживается сердцевина писательской индивидуальности Шмелева, выходца из торгово-промышленной среды, у которого уже в детстве формировалась «любовь и уважение» к сотням «простых людей с мозолистыми руками». Этим в частности, Шмелев близок М. Горькому [Черников 2013: 2-3].

«Человек из ресторана» поразил не только тем, что в этом произведении взыскательный читатель не мог выискать никаких изъянов – повесть не читалась, а буквально «проглатывалась» как неискушенным читателем, так и самым изощренным критиком.

В период создания повести «Человек из ресторана» Шмелев находился еще под воздействием революции, которая оставила глубокий след в жизни России, в сознании и психике людей. Тема повести – взаимоотношения детей

и родителей. Главный ее герой, официант Скороходов, представляет собой тип «маленького» человека, который теряет работу, а его сыну за увлечение социалистическими идеями грозит арест и каторга. Образ Николая Скороходова, сына главного персонажа, является образцом моральной чистоты и стойкости. Молодой человек убежден в собственной правоте, в справедливости революционной борьбы.

Повесть представляет собой монолог главного действующего лица, официанта преклонного возраста, речь которого со всеми ее профессионализмами была воспроизведена безукоризненно. Отличительным свойством повествовательной манеры Шмелева в данной повести является использование городского сказа. Писатель виртуозно воспроизводит живую речь человека, будь то официант, простая крестьянка или столь любимый им мастерской. И всякий раз нескольких произнесенных слов достаточно, чтобы читатель, даже не встретив внешнего описания героя, сумел через особенности его речи точно представить его облик. Представляется официант «старого образца»: пожилой, благообразный, в отличие от господ, человек со своим достоинством [Черников 2013: 4].

Шмелев дал возможность своему главному герою, «лакею по назначению судьбы», в силу своей профессии наблюдать за представителями высшего общества в тех ситуациях, когда они ведут себя естественно и не стесняются проявления своих низменных слабостей. Вот здесь автор и превозносит над ними своего героя, который наделен высокими моральными качествами. Среди посетителей ресторана, Скороходов по своей сущности является единственным Человеком в этой массе безнравственных, лицемерных, притворных господ. Яков Софронович не может принять их лицемерие, развращенность, несправедливость, равнодушие представителей интеллигенции к простому народу. Упадок нравственности, «насмешение над душой» больше всего волнуют героя повести. Его душа тоскует по доброте и справедливости, честности и порядочности, благородству и уважению к людям.

Среди многочисленных посетителей ресторана, которых именуют в обществе «образованными господами», главный герой видит влиятельных жуликов, циников, пройдох, похотливых сластолюбцев и приспособленцев. Скороходов видит насквозь их несовершенства, потерю чувств собственного достоинства ради каких-то жизненных благ. Он часто задумывается о сущности, предназначении человека в жизни, его возмущает невоздержанность в выпивке и в еде, угодничество и разврат. Сам же герой более нравственен, мудр и порядочен, чем те завсегдатаи ресторана, которым он служит. Тем не менее, не смотря на то, что Яков Софронович служит в таком месте, где люди предаются самым низменным порокам, он остается целомудрен и чист. «Жизнь без соринки», - таково его нравственное кредо [Черников 2013: 5-8].

Писатель явно симпатизирует своему герою за его благородство души. Яков Софронович вернул хозяевам потерянные ими деньги, хотя сам в них очень нуждался. Герой Шмелева переживает здесь жестокую внутреннюю борьбу: *« И остановился я у фонаря. Не знаю, как быть. ... Да что же это? Значит, всю жизнь насмарку? ... Сам Господь, думаю, теперь на меня смотрит. И ждет он, как я распоряджусь... Может, нарочно и послал бумажки, чтобы знать, как распоряджусь...»* [Шмелев 2014: 98]. Шмелев в этой сцене предельно заострил проблему добра и зла, схватка между этими вечными врагами происходит в душе героя.

Яков Софронович стойко преодолевает искушение, соблюдая закон «не укради», отказывается от денег, от мечты купить домик. Он знает, что эти деньги, которые он вернул, господа потратят на удовлетворение своих эгоистических замыслов. Но в этом весь характер героя, он противопоставит аморальным господам, он выше их.

Шмелев с особой симпатией показывает своего героя как верного супруга, заботливого отца. Особое место в образе лакея Якова занимает его огромная любовь к детям. Автор наделил его не только любящим отцовским сердцем, но и способностью рассуждать. Своего сына Николая главный

герой пытался наставить на путь истинный: «...*Бери пример с Иисуса Христа...*» [Шмелев 2014: 70]. Николай же по своей неопытности противоречит своему отцу, но попав в беду, получает поддержку любящего и преданного отца. Старый официант наравне с сыном ищет правду в жизни и находит ее в добром человеке, спасшем его сына. Для него вдруг открылось, что социальные вопросы разрешаются через помощь любому человеку независимо от рода и звания, а способность подавать эту помощь, творить добро дается от Бога.

Наташа, дочь Якова Скороходова, тоже, подобно брату, делает попытку вырваться из семьи, чтобы стать «независимой». Но попав в беду, она находит опору и поддержку своего отца.

Шмелев показывает, что жизненный путь очень сложен даже для верующего человека. Скороходов наделен глубоким религиозным чувством, он искренне верит: «*Господь все видит и всему положит суд свой*» [Шмелев 2014: 98]. Эта вера дает ему пережить жизненные невзгоды, которые обрушивались на него со всех сторон. Настоящую веру он обрел «через муки и скорбь» после чудесного спасения его сына - революционера Колюшки. Это чудо не случайно связано с Рождественскими праздниками [Михайлова 1997: 31].

Жизнь пожилого официанта можно назвать «хождением по мукам», но ему удастся выстоять, морально «выпрямиться». Такой конец был очень важен для автора. Переживая бедность и страдания, Скороходов освобождается от духовного рабства. Шмелев в изображении «маленького человека» показал главную суть его духовного прозрения. Яков Софронович способен понять подлинные ценности жизни, его мысли и поступки контролируются глубоким религиозно-нравственным чувством [Михайлова 1997: 32].

В «Человеке из ресторана» Шмелев впервые в своем творчестве обращается к проблеме противоречия между верою и научным пониманием мира в человеческом сознании. Работа над повестью приходится как раз на

тот переломный момент, когда писатель начал отдавать предпочтение религиозной истине [Дунаев 2000: 62].

Во второй главе повести возникает спор о религии и науке между Колей Скороходовым и приятелем его отца Кириллом Северьяновичем. Мальчик высказывает свое неприятие терпения, он пытается противопоставить религии примитивные социальные обличения. Кирилл Северьянович пытается преодолеть несогласие между наукой и верою: *«Науки постепенно продвигают человека к настоящему благородству и дают верный ключ от счастья! Вера же и религия смягчат дух»* [Шмелев 2014: 16]. Изрекая суждение: *«... надо изучать науки, что и делают люди благородные и образованные, а нам пока всем терпеть и верить в Промысел Божий. Этого вы не забываете!»* [Шмелев 2014: 17], сам Кирилл Северьянович оказывается трусом и корыстолюбцем. Его слова ставят под сомнения те истины, которые он высказывает. Яков Софронович как будто начинает признавать правду сына, но не относительно веры. Социальное обличительство начинает казаться ему справедливым: *«Эх, Колюша! Твоя правда!»* [Шмелев 2014: 49].

В тот период, когда с сыном Скороходова случается беда, Яков Софронович, погруженный в хлопоты о дальнейшей судьбе Николая, встречается со старичком, торгующим «теплым товаром». И вот от этого старика пожилой официант узнает истину: *« - Без Господа не проживешь... Добрые-то люди имеют внутри себя силу от Господа! ... И вот когда осветилось для меня все. Сила от Господа ... Ах, как бы легко было жить, если бы все понимали это и хранили в себе»* [Шмелев 2014: 156-157]. Эту истину Скороходов считает главной наградой за перенесенные страдания. Для писателя же именно в торговце «теплым товаром» заключено символическое значение и понимание идеи произведения. Шмелев подчеркивает важность этого образа, так как «скрытая теплота» боголюбивого старичка глубоко вошла в душу ресторанного лакея в конце его жизни, осветила все «сиянием правды». В этом заключении отражено то,

к чему шел по жизни и сам Шмелев: Без Господа не проживешь. Именно в этих словах и есть итог нравственных духовных исканий главного героя повести.

Повесть «Человек из ресторана» принесла Шмелеву небывалый успех. Выход этого произведения вызвал к жизни множество откликов, по большей части восторженных. Высокие идейно-художественные достоинства повести по праву оценили критики различных направлений и школ. Например, известный критик и издатель Н. Клестов-Ангарский писал: «Шмелев является выразителем лучших традиций русской литературы» [Клестов-Ангарский 2010: 11]. По справедливому замечанию критика И.Кубикова, «повестью «Человек из ресторана» Шмелев крупными буквами вписал свое имя в историю русской литературы» [Кубиков 2013: 17]. Еще при жизни автора повесть была переведена на двенадцать европейских языков. В самом названии произведения содержится указание на подлинного героя повести – это Яков Скороходов, не приемлющий лицемерия и фальши, безнравственных поступков, ставящий выше всего в жизни «сияние правды», Промысел Божий. Спустя некоторое времени слово Промысел станет основным стержнем в творчестве Шмелева. Показ действительности в ее противоречиях, наличие серьезных социальных обобщений, высокий уровень художественного изображения выдвинули автора повести «Человек из ресторана» в ряд крупнейших прозаиков-реалистов начала XX века.

В трудное для русской литературы время 1908-1911 годов Шмелев остался верен реализму, оказавшись в одном ряду с теми художниками слова, которые продолжали отстаивать демократические принципы искусства, сохранять его национальные традиции. Писатель проявил непревзойденное умение на конкретном социально-бытовом материале показать большие философские и нравственные идеи о смысле жизни, о предназначении человека в жизни. Утверждение высоких духовных и нравственных качеств личности является основным в произведении Шмелева. Воссоздавая определенные этические ситуации, писатель обращается к проблемам

совести, чести, милосердия, трудолюбия. Внутренняя свобода личности связывается у него с освобождением ее от власти «заедающей среды», от духовного рабства [Черников 2013: 4]. Шмелев устами своих героев говорит о православной истине, в которой главный герой находит жизненную опору. Поэтому повесть является актуальной и в наши дни.

§2. Духовная радость как путь к вере и смысл жизни главного героя повести «Неупиваемая чаша»

Первая мировая война ворвалась в жизнь писателя резко и жестко. В 1916 году на фронт уходит единственный сын писателя, Сергей, которого Шмелев любил до самозабвения. Эту безумную войну писатель характеризует как болезнь, всеобщее озверение. Октябрь, с его воинствующем безбожием, писатель принять не мог.

Осенью 1918 года Шмелев со своей женой приезжает в Алушту, надеясь переждать в Крыму это тягостное время. На алуштинской даче писателя окружала более чем скромная обстановка, которая не помешала ему взяться за написание «Неупиваемой чаши». Эта романтическая повесть сложилась как бы вопреки неустроенности писательского быта. Сама обстановка подсказывала писателю ухватиться за спасительный образ Пресвятой Богородицы. Так, «между сердцем и душой» зародилась эта повесть, явившаяся радостным акафистом на фоне ужасов крымской исторической реальности. Крымский период стал первым опытом изгнанничества – «духовной эмиграцией» для Шмелева. Авторские искания были нацелены на то, чтобы на фоне кровавых крымских плодов революционных идей возвысить, «вознести» человека, выявить его «иконный лик», достойный поклонения. Шмелев в повести противопоставляет идею разрушения идею любви. В «Неупиваемой чаше» писатель обратил свое сердце к прошлым временам. Его повествование о судьбе крепостного художника написано сказом, но не бытовым, как в «Человеке из ресторана», а возвышенным, житийным [Спиридонова 2005: 50-52].

Повесть «Неупиваемая чаша» – щемяще-светлое сказание о жизни, а точнее, о житии крепостного иконописца-самородка Илье Шаронове, его трудной судьбе, духовном и творческом подвижничестве, результатом которого явилось написание им чудотворной иконы.

Искренне и поэтично автор повествует историю жизни крепостного юноши Ильи Шаронова. Жил Илья среди барской дури и деревенской простоты, но в душе его царил вера. В шестнадцать лет, во время молитвы, посетило его чудесное видение: «узрел он будто глядевшие на него глаза...» [Шмелев 2012: 215]. И вот открылся талант богомаза в Илье.

В «Неупиваемой чаше» Шмелев поднимает очень важную тему своего творчества: радости, которую приносит художнику искусство, вдохновленное любовью к людям и своему отечеству. Посланный сумасбродом-барином в Италию на обучение у подлинных мастеров-художников, Илья не остается там даже за большое вознаграждение. Молодой живописец учится у итальянских мастеров технике живописи, но пишет по-своему, лучше. Итальянские художники признают его великий талант и пророчат ему славу и богатство, но не в России. Любовь и вера возвращают его в родную стихию, где ему предстоит полной мерой испытать чашу страданий и скорби. Молодой талантливый художник живет чистой и непорочной жизнью. Он старается служить людям, использовать свой художественный дар для их блага. Этим мировоззрением он уподобляется святому, а жизнь его – житию. Смирением и природным благородством обладает герой повести, в образ которого писатель вложил свое представление об идеале русского художника-иконописца [Минералова 2003: 7].

Прекрасно передает писатель красоту церковной живописи. В православном понимании икона есть окно в горний мир, поэтому шмелевский герой воплощает в своих творениях то, что наполняет его душу – видение Высшей Силы [Черников 2013: 5].

Созданные Ильей картины, описанные в повести автором, передают читателю суть русской души человека, его православную веру. Большое значение имеет и то, что Шмелев в своем произведении напоминает читателю имена, достойные памяти. Автор упоминает и славянских просветителей – братьев Кирилла и Мефодия, и Георгия Победоносца. Не случайно и сам Илья носит имя пророка и чудотворца.

В шмелевской повести характерно то, что лики святых Илья пишет с реальных людей. Уже первые созданные Ильей «иконы» – лишь замаскированные под иконы портреты. Взявшись писать святых «с людей, близко знакомых», он уверен, что в этих, замученных нуждой, голодом, трудом людях запечатлен Промысел Божий. Юный художник стремится увидеть скрытое от других в обычных лицах и передать в ликах. Кротость и страдание простых людей «освобождает в них» ясную и видимую печать сакрального на их лицах.

Моделью для написания Богородицы герой повести избирает свою барыню. С искренней любовью Илья Шаронов переносит на загрунтованную под икону доску прекрасные земные черты барыни Анастасии и наполняет их неземным содержанием. Он страстно влюблен в предмет своего изображения, но стремится передать в иконе лишь благоговейно-молитвенное состояние, преодолевая свое влечение к живой, осязаемой женщине. Но, главное, что этим духовным содержанием богата и сама Анастасия. Илье удалось открыть в ее облике иные черты, тот образ и подобие Божие, во всей полноте явленные в Богородице [Мельник 1998: 28].

«Неупиваемая чаша» – повесть о духовной радости. Это постоянное состояние радости проходит красной нитью в шмелевской повести. У Ильи Шаронова эта радость соприкасается со святостью. Основа повести – это связь Неба с землей, иконы с портретом. «Неупиваемая чаша» несет в себе путь обычного человека к спасению, прозрению и стремлению к вечной жизни [Любомудров 1994: 19-20].

Мотив радости звучит с самого начала повести. Портрет Анастасии Ляпуновой, при всей печали и затаившемся страдании, радостен: *«На тонком бледном лице большие голубые глаза в радостном блеске ...»* [Шмелев 2012: 202]. В склепе ее медальон, и здесь мы снова видим *«те же радостно плещущие глаза»* [Шмелев 2012: 204]. На перекрестье основных мотивов повествования – образ Анастасии.

Ко времени написания повести И.Шмелев – уже человек веры, поэтому часто повторяющееся в повести слово «радость» имеет духовный смысл. Радость возникает при соприкосновении с духовными предметами. Так, в начале IV главы сказано: *«Радостно трудился в монастыре Илья. Еще больше полюбил благолепную тишину, тихий говор и святые на стенах лики. Почуял сердцем, что может быть в жизни радость».* *«Мне и труда нету, одна радость»* [Шмелев 2012: 213].

В святоотеческой литературе понятие «радости» имеет несколько значений. Первостепенно оно восходит к образу-символу «радуги», «радоницы». Из древних преданий радуга дана была Богом человечеству после потопа. Радуга символизирует связь человека с Богом, представляет собой мост между Небом и землей [Пестов 2002: 466].

В Православии радость – понятие многогранное. Святые Отцы Церкви трактуют радость как внутреннее согласие с Богом, «здравие души», радость «сокрушения» о своих грехах. Преподобный Симеон Новый Богослов пишет о том, что только для радости воскресения, *«радости неизглаголанной... рождаются и умирают люди»* [Преп. Симеон Новый Богослов Т.1: 52]. Святитель Тихон Задонский говорит о связи «радости и любви»: *«Радость без любви не бывает, и где любовь там и радость»* [Тихон Задонский 1889: 390].

У Шмелева радость возникает при соприкосновении со святостью. Он допускает возможность святости обычного грешного человека, которому не закрыт вход в Царствие Небесное, так как русский человек в изображении Шмелева бескорыстен, способен на благой поступок, он не предаст и всегда

способен на покаяние. Слияние первозданного, природного и церковного утверждает идею естественности христианской веры. Поэтому в повести звучит христианский мотив прихода через муку и скорбь к «сиянию» жизни. Эту мысль автор развивает в «Неупиваемой чаше», где герои являются предметом иконописания Ильи [Любомудров 1994: 36].

Икона для Ильи имеет смысл создания в иконописном образе лучших свойств души еще живых, грешных людей, стремящихся к очищению. Подобные рассуждения отсылают нас к церковным канонам и святоотеческим представлениям, где лицо человека «иконописно», ибо «сотворено по образу и подобию Божию» [Алексеев 1998: 24].

В повести автор изображает путь Ильи к Богу, который проходит через возведение высоко очистительной любви к земной женщине до степени небесной любви к Пресвятой Богородице: *«Две их было: в черном платье, с ее лицом и радостно плещущими глазами, трепетная и желанная, - и другая, которая умереть не может»* [Шмелев 2012: 261]. Пишет Илья «Неупиваемую чашу» как святой лик Анастасии, но во время работы над портретом он видит два образа: один недостижимый, «небесный» лик Пресвятой Девы, а другой – любимой земной женщине. Главный герой неистово борется со своей грешной страстью к Анастасии, при этом дает себе четкую установку: *«Напишу тебя, не бывшая никогда! И будешь!»* [Шмелев 2012: 257]. Шмелев хотя и показывает в произведении страсть Ильи, но эта страсть не земная, а можно сказать, духовная. Иконописец как бы обоготворяет предмет своей страсти, он в объятиях платонического чувства, которое озарило светом и радостью всю его жизнь. В борьбе со своей страстью, Илья изнемогает, но побеждает. Победа над своим грехом была истинной и полной, поэтому икона, написанная Ильей, чудотворная. Следовательно, автор подчеркивает, что духовный путь Ильи Шаронова – не канонический, так как во всех созданных им иконах в ликах святых вырисовываются лица реальных, окружающих его людей [Усенко 1997: 48].

Многих героев повести Илья запечатлел в своих иконах. Так, св. Арефия Печерского он пишет с ликом своего учителя – иконописца Арефия. Змей, побеждаемый Георгием-Победоносцем у него ассоциируется с ликом старого развратника-барина. Св. мученика Терентия написал он с ликом своего отца Терентия. В св. преп. Марии Египетской узнается Зойка-цыганка, а в храмовой росписи Страшного Суда – «и маляр Терешка, и Спиридоша-повар, и утонувший в выгребной яме Архиша-плотник, и крикливая Любка, и глупенькая Сафо-Сонька, и живописный мастер Арефий... многое множество» [Шмелев 2012: 240]. Великомученица Анастасия удивительно схожа с барыней Анастасией, в которую влюблен молодой художник. Сам же Илья как бы воплощается в храме св. Ильи–Пророка. Тема строительства Храма внутри своей души самим человеком встречается в повести "Неупиваемая чаша" [Любомудров 1994: 29].

Повесть «Неупиваемая чаша» поднимает множество проблем. Вопросы внутренней свободы, нравственного выбора, истинных и ложных ценностей, духовной любви и многие другие имеют большую значимость для автора. Создавая эту повесть, Шмелев пытался открыть путь национального спасения через возрождение духовных сил народа, через противопоставление идее разрушения идее любви. Авторские искания были нацелены на пути к спасению обычного человека. Путь каждого человека – путь к Христу Спасителю. Он обязателен, и непременно его составляющими будут грех и покаяние. Тайна грехопадения человека заключается в том, что оно является одним из необходимых условий творчества, как пути восхождения человека к Богу. В повести автор показывает судьбу человека, который обрел на земле такое благодатное переживание, что все его земные муки являются ничтожными в сравнении с обретенной Радостью-страданием. Таким образом, Шмелев пытался воплотить в своем произведении духовное «воскресение» и преображение человека [Мельник 1998: 31].

Эта грустная история жизни талантливого художника-живописца, прожившего очень короткую жизнь, исполнена истинным счастьем, добром,

красотой. Как святой прожил Илья свою жизнь, оставив на земле следы своего труда: роспись церкви, монастыря над Нырлей и вершины своего творчества – портрет Анастасии и икону «Неупиваемую чашу». Эти два гениальных творения имеют много общего, поэтому и влекут к себе людей. В портрете Анастасии люди видят не только красоту человеческой природы, но глаза, святящиеся на этом лице. Эти глаза, однажды виденные Ильей еще в отрочестве, он сумел отразить в портрете Анастасии. Святое, вечное, надмирное отразил художник в преходящем. Божественная красота лишь сияет и будет сиять на холсте – и в этом тайна портрета и радость ее открытия. Несмотря на то, что, остался герой Шмелева лежать под «обросшим бархатной плесенью валуном-камнем» с истертыми надписями, он оставил духовную память, которая передается из поколения в поколение. Душа его живет в образе Неупиваемой чаши, в которой он увековечил и свою любовь, и память. Икона стала для него торжествующей над смертью звездой — Неупиваемой Чашей, осветившей радостью земной путь и утолившей духовную жажду. Написанная Ильей и перед смертью подаренная монастырю икона, – предостерегает людей от зла, исцеляет. *«Возликовала Высоко-Владычня обитель, и пошла молва по всей округе, и стали неистощимо притекать к Неупиваемой Чаше многое множество: в болезнях и скорбях, в унынии и печали, в обидах ищущие утешения. И многие обрели его»* [Шмелев 2012: 268], – так повествует автор о делах рук человеческих. А «Неупиваемую Чашу» - символ страдания («пити чашу» - церк. – значит, терпеть бедствия, страдать, мучиться) - народ стал почитать и «за избавление от пьяного недуга» стал считать своей [Примочкина 2006: 54-55].

Таким образом, вся повесть проникнута радостью личного духовного откровения писателя. Мотив радости в повести И.С.Шмелева играет не только важную духовную составляющую произведения. Понятие «радости» во всей своей полноте и многогранности выступает в повести, как главный, сюжетообразующий, и наравне с этим, эстетический, религиозно-философский элемент. Именно познание радости духовной, божественного

откровения через радость творчества и любовь, а за ней и постижения самого Бога, полное обращение к нему, становится для героя смыслом его жизненного пути. Обретение героем радости познания Спасителя через любовь: от человека — к Богу, через любовь земную — к вечной любви в царстве Божьем, является одной из главных тем — символов повести «Неупиваемая чаша», которая в определенном смысле явилась новой точкой отсчета в художественных и духовных исканиях писателя. Образ иконы «Неупиваемая Чаша» лично важен для Шмелева как найденный им способ веры и спасения.

Глава III. ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ В ПОВЕСТИ И.С.ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

§1. Религиозная духовность повести И.С.Шмелева «Лето Господне»

Книга И.С.Шмелева «Лето Господне» поднимает одну из актуальных проблем современности: возрождение русского духовного начала. Именно сейчас, когда люди пытаются восстановить утраченные духовные ценности, вернуться к славному прошлому русского народа, книга Шмелева приобретает небывалую значимость. Она помогает возвратиться к первоизданной мудрости, ощутить духовную близость со своими предками, прикоснуться к истокам веры, воспитать чувство любви к родной земле. Смысл истинного существования, по Шмелеву, заключается прежде всего в служении родной земле, в поддержании ее традиций, обрядов, верований, в поклонении ее святыням [Дунаев1999: 87].

«Лето Господне» — книга о семилетнем мальчике, его радостях и горестях, написана далеко от Москвы, в которой он жил. Жестокие события революции 1917 года и Гражданской войны забросили автора за рубеж, в эмиграцию. Тоска Шмелева по родине порождает у него страстное желание воссоздать ее облик в своих произведениях. С конца 1920 года он уходит в

воспоминания о детстве, обращается к изображению прошлого. Так появилась повесть «Лето Господне». Сказ от лица маленького героя – великолепно найденное Шмелевым художественное средство, которое автор использует в повести.

«Лето Господне» строится как рассказ ребенка, в которого искусно перевоплощается взрослый повествователь. В центре книги ребенок и его восприятие мира вокруг. Окружающий мир одухотворен взглядом маленького Вани, который всматривается в его таинства полными любви и радости глазами. Через призму детской, чистой, искренней души проходит восприятие и познание земного и небесного. Все имеет большое значение для восприимчивой, открытой детской психики: звуки, запахи, вкусы, рассказы окружающих. Мир, увиденный глазами ребенка, предстает перед читателями книги. А это: православная Русь конца XIX века, центром которой явилась златоглавая Москва. Любовь к Москве, к древнему ее облику, к патриархальной жизни вошла в писателя с детских лет [Казанцева 2009: 140].

«Лето Господне» — своеобразная энциклопедия обычаев, связанная с русскими православными праздниками. Семья писателя отличалась патриархальностью, истовой религиозностью, поэтому эти праздники с раннего детства глубоко отразились в сознании ребенка. Произведение Шмелева насквозь пронизано православным духом. Повесть, начиная с ее названия, включает цитаты из Священного Писания, религиозных песнопений и молитв. Великолепно воссоздает писатель красоту и благолепие церковных служб, их высокую символику [Дунаев 1999: 89].

Книгу Шмелева можно назвать книгой о Промыслительной Божией помощи человеку, о пребывании в мире Христа ради спасения человека. И не случайно начинается «Лето Господне» с Чистого Понедельника, с Великого Поста, когда происходит очищение души через духовное переживание сорокадневного Поста Самого Спасителя перед началом Его проповеднического земного служения.

В названии повести «Лето Господне» заключена ее идея. У слова «лето» есть несколько значений. Одно из них – время года. Но повествование разворачивается в картинах зимы, весны, осени. Так реализуется еще одно значение слова «лето» - год, естественный природный цикл, в который заключена жизнь героев. Продвигаясь дальше к глубинам смысла названия, подчеркнем особый характер названия заголовков частей и глав произведения: «Великий Пост», «Чистый Понедельник», «Благовещение», «Пасха», «Троицын день», «Рождество», «Святки», «Крещение», «Масленица». Здесь ясно проступает календарь другой, не только природно-материальный, но и духовно-религиозный, определяющий «праздники, радости и скорби». Шмелев воссоздает «благостную природу русского года», в котором сплетены в едином жизненном ходе «два солнца», так точно и образно заметил один из самых глубоких толкователей творчества Шмелева философ И.А.Ильин. Он так объясняет: «Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетное, дававшие нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу-осень и строго-грозную, но прекрасную и благодатную белую зиму; и другое солнце, духовно-православное, дававшее нам весною - праздник светлого, очистительного Христова Воскресенья, летом и осенью - праздники природного и жизненного благословения, зимою, в стужу, - обетованное Рождество и духовно бодрящее Крещение» [Ильин 1991: 40]. И вот Шмелев показывает в своем произведении как накладывалась эта череда двусолнечного вращения на русский простонародный быт. Веками, строя Россию, русский народ наполнял строки Года Господня своим трудом и молитвами. Вот откуда это заглавие «Лето Господне», обозначающее не столько художественный предмет, сколько заимствованный у двух Божиих Солнц строй и ритм образной смены. Годовое вращение, этот столь привычный для нас и столь значительный в нашей жизни ритм жизни, имеет в России свою внутреннюю, сразу климатически бытовую и религиозно-обрядовую связь. В русской литературе впервые изображается Шмелевым этот сложный организм, в котором движение материального солнца и

движение духовного религиозного солнца срастаются и сплетаются в единый жизненный ход [Никонова 2015: 49].

Таким образом, «Лето Господне» – это год, но год не простой, а связанный с церковными праздниками. Шмелев происходил из купеческой семьи, а купечество традиционно в России было очень религиозно. Жизнь протекала от одного церковного праздника до другого, из них и складывался год. Шмелев показывает жизнь человека не в смене времен года, а в церковном богослужебном круге. Человек идет по времени, отмеченному событиями церковной жизни. Недаром и главы «Лета Господня» называются: «Великий Пост», «Ефимоны», «Благовещение», «Пасха», «Троицын день». И все проходит человек: «Праздники», «Радости», «Скорби» - так обозначены основные части «Лета Господня».

«Лето Господне» – это мир русского благочестия, где взаимосвязаны православный трудовой и годовой циклы. С ходом православного календаря оцеплены буднично-бытовые дела жителей замоскворецкого двора. Великим Постом запасают они на лето лед. На Преображение снимают яблоки, в канун Иван-Постного солят огурцы, после Воздвиженья рубят капусту. Так возникает цельный мир повседневной жизни «светлого царства русского», где все связано и находится в нерасторжимом единстве. Удивительно, но каждый праздник глубоко вошел в память маленького героя повести. Праздники эти описываются «из сердечной глубины верующего ребенка»: от эмоциональной оценки названия праздника через знакомство с его бытовой стороной маленький герой приходит к постижению его сути [Никонова 2015: 49].

Показателен в этом плане рассказ «Покров»: изначально название этого праздника на Руси вводится как «чужое» слово и сочетается с местоимением «неизвестности», затем народ в своей речи сблизил слова *покров* и *покроет* («землю снежком покроет»). С Покровом у русских людей складывалось представление о завершении дел («Вот подойдет Покров – всему развязка»). Наконец, в рассказе Горкина дается народная

интерпретация праздника и вводится образ осеняющего и спасающего Покрова Богоматери. В финале рассказа образ Покрова, символ милости, прощения и заступничества, соотносится с мотивами сияния, высоты, обретения свободы и преодоления страха [Журавлева 1997: 63].

Повествование построено по законам благодарной памяти, которая сохраняет воспоминания об утраченном материальном мире, духовной составляющей жизни. В «Лете Господнем» тема религиозная, тема устремленности души русского человека к Царствию Небесному связана с семейным укладом замоскворецкого двора «средней руки» купцов Шмелевых, бытом Москвы 80-х годов XIX века. Семья Шмелевых отличалась здоровым консерватизмом устоявшихся правил, привычек и взглядов, заботой о сохранении традиций и обычаев русской старины. Здесь свято чтит религиозные праздники, строго соблюдали посты, читали духовные книги, ежегодно ходили на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Герои шмелевской повести не просто проживают земную жизнь с ее Благовещеньем, Пасхой, праздником иконы Иверской Божией Матери, Троицей, Преображением Господним, Рождеством Христовым, Святками, Крещением, Масленицей, но верят в Господа и бесконечность жизни [Никонова 2015: 51].

Шмелев изображает идеал бытия русских людей, которые ощущают в душе благодарность Творцу за красоту им созданного мира. В своей книге он обращает внимание современников на накопленный веками духовный опыт русских людей, призывает их к памяти и возрождению этого опыта. Проблема наследования духовных традиций беспокоит писателя, он осознанно сосредотачивает внимание читателя к «Святой Руси», призывает вслушаться в сложный и вечный ритм бытия. Память в представлении Шмелева – категория религиозно-нравственная, так как позволяет человеку ощущать себя наследником прошлого и осознавать ответственность за будущее, за весь Божий мир. Не предавать забвению исстари установленные и многократно проверенные временем правила и законы, а неукоснительно

соблюдать их – в этих традициях воспитывается автобиографический герой. «Со старины так», «так уж исстари повелось», «так повелось с прабабушки Устиньи» – не раз повторял наставник Вани старый столяр Горкин. Свою первейшую задачу Горкин и отец Вани видели в том, чтобы сохранить и передать мальчику память обо всех хороших людях и продолжать, приумножая, их добрые дела. В вечной связи поколений автор видит основу духовного обогащения человека и нации [Никонова 2015: 51].

В повести персонажи Шмелева погружены в обыденную жизнь, но она лишена мирской суеты. Люди здесь духовно свободные от корыстных целей, они честные и искренние. Маленький герой рос и воспитывался в атмосфере добра, наполненной Евангельским светом и теплотой. Вера в Бога наполняет в повседневной жизни и труд, и отдых православных людей нравственной высотой. Среди множества персонажей «Лета Господня» выделяются два героя: отец Вани, Сергей Иванович, и старый плотник Михаил Парфеныч Горкин. «Говорящая» фамилия персонажа свидетельствует об устремлении к высотам духа, к горнему небесному миру. Красной Горкой в народе называют Пасху, недаром Сергей Иванович ласково именуется старым «филенщиком» Горкой. Смысл своей жизни Михаил Панкратыч видит в православной вере, в том, чтобы душевно очиститься и соединиться с Богом. На этом пути он много чего достиг, и окружающие воспринимают его как народного пророка. Для приказчика Василь Василича Горкин – человек «святой» [Шмелев 2013: 80]. Сам хозяин, Сергей Иванович, умирая, наказывал жене: «Панкратыча слушай... Он весь на правде стоит» [Шмелев 2013: 466]. В свою очередь, Ваня в соответствии с библейской традицией ассоциирует своего духовного наставника со святостью как таковой: «Мне кажется, что он непременно будет преподобный, как Сергей Преподобный: очень они похожи» [Шмелев 2013: 80]. Горкин и в самом деле осуществляет ежедневное служение окружающим ради сохранения святоотеческой традиции, но делает это с сознанием добродетеля, предлагая своему

воспитаннику самому постигать смысл православного бытия [Морозов 2000: 13].

Образ отца Сергея Ивановича раскрывается в его честности и порядочности. Он человек, занимающийся предпринимательской деятельностью, он всегда занят делами. Казалось бы, что ему некогда заниматься духовными заботами, но православное воспитание, которое получил Сергей Иванович, является основой для его предпринимательского успеха. Тем не менее, несмотря на то, что рабочие дела идут хорошо, его нельзя назвать богатым человеком. В роду Сергея Ивановича принято вести дела честно, не наживаясь путем обмана и темных спекуляций, уважать своих работников, честно платить им за труд и награждать за талант, мастерство. Поэтому-то и работают у него на совесть, считая его строгим, требовательным, но добрым и справедливым. Несмотря на занятость, отец всегда находил время для сына, для дома, для людей. В доказательство уважения и благодарности работники придумали подарить Сергею Ивановичу в день именин огромный румяный крендель. Маленькому Ване он запомнился как невиданный, «такой чудесный», вкусный-вкусный. Отец Вани свято чтит евангельские заповеди, строго соблюдает все православные праздники. Мальчик с детства перенял от отца, что основой благополучия делового русского человека является честный труд, совесть, соблюдение православной нравственной традиции. Сергей Иванович, одаривая своих работников и домашних деньгами во славу Божию, поступал согласно духовным традициям своей семьи и всей православной Руси. И маленький Ваня впитал сердцем и душой такое поведение отца, получил прочный опыт православного отношения к людям [Антамошкина 2015: 17].

Православие — основа духовной жизни героев «Лета Господня», которые с молитвой приступают к любому делу. Не раз утро начинается для Вани любимой Пасхальной молитвой отца, которую он напевает приятно-грустно: *«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»* [Шмелев 2013: 326]. Радостное до слез бьется в душе и светит от этих слов. В жизни Сергея

Ивановича есть место и для духовного подвига, так как его дела преследуют не только коммерческие, но и нравственные цели. Он проявляет заботу о храме в честь Казанской иконы Божией Матери, иногда действует себе в убыток, как случилось при подготовке пушкинского праздника. Он руководствуется тем, что нужно творить добро так, чтобы правая рука не знала, что делает левая (дает милостыню, платит приюту за содержание на покое прежних работников втайне от них самих). В праздничные дни он старается порадовать своих рабочих подарками, угощением, ласковым словом. За это он справедливо заслужил их любовь, а от брата Егора получил несправедливый упрек в том, что разбаловал «народишко». Образ отца Вани впечатляет тем, что для него основную ценность составляют не материальные ценности, а высокие духовные качества [Дунаев 1999: 91-93].

Особое место в повести Шмелев уделяет «вечной» природе, которая всегда остается неизменной даже спустя годы. И стоит автору прикоснуться щекой к коре дерева, закрыть глаза, как он снова ощущает себя маленьким мальчиком. Пропущенные через чуткую душу Вани, картины природы вызывают чувство любви к стране, имя которой – Россия. Природа пробуждает в мальчике самые сокровенные чувства, обретает в его представлении черты святости, ибо она – неотъемлемая часть Божьего мира, который устами своего автобиографического героя не устает славить писатель [Лаврова 1997: 26].

Большое внимание писатель уделяет эстетическим впечатлениям, художественно развивающим ребенка. Мальчик с нескрываемым восторгом наслаждается картинами природы, великолепной архитектурой храмов, иконописной живописью, атрибутами богослужения. Он с удовольствием слушает церковное пение, «святые» изречения Писания, рассказы об Угодниках, подвижниках и праведниках. В основу эстетических чувств мальчика положен христианский взгляд на мир как единое целое, любовь ко всему живому, чувство благодарности и радости жизни.

В повести «Лето Господне» очень много устаревших слов, которые способствуют более достоверному отображению указываемой в повести эпохи и помогают автору погрузиться в мир своего детства. Некоторые слова могут быть непонятны современному читателю, так как многие профессии, предметы обихода, названия блюд, одежды и обуви просто исчезли из обихода. Но, тем не менее, они трогают сердце и душу читателя, когда тот при чтении погружается в атмосферу повести. Звуковой облик устаревших слов создает иллюзию звучащей речи, особое настроение лирической грусти [Журавлева 1997: 65].

Из закромов памяти пришли Шмелеву впечатления детства, составившие «Лето Господне», совершенно удивительную книгу по поэтичности, духовному свету, драгоценным россыпям слов.

Читая повесть, невозможно не удивляться простоте и точности записей Шмелева. Автор не использует никаких украшений для красного словца и большего эффекта, что подтверждается полным отсутствием живописных метафор, образов, сравнений. В повести все деловито, сжато и подлинно. Живая, осязаемая «ткань русского быта» возникает из авторского слова, рождаясь прямо на глазах читателя.

Язык произведений Шмелева поражает своим мастерством, он является мощной силой воплощения его творческих замыслов. Слово у него одухотворено уже само по себе. Его работа над каждым словом была глубоко продуманной, он тщательно отбирал нужное слово, любовался им. Можно смело утверждать, что произведения писателя - это гимн слову как слову Божию.

Эту книгу можно назвать одной из вершин позднего творчества Шмелева. Общей лирической тональностью произведения является чувство сожаления по ушедшим годам, по старой России, канувшей в Лету вечности, сыновняя благодарность родной земле и людям, несущим в детском сердце свет доброты. Страница за страницей читателю открывается «мир простого русского человека, вся жизнь которого проникнута духом Христовым,

освящена святой Церковью, согрета теплой, по-детски глубокой верой» [Михайлов 2013: 11].

Очень подробно говорится в «Лете Господнем» о размышлениях, чувствах и переживаниях мальчика, о его внутреннем мире, о взаимоотношениях с домашними. Душевная тонкость, эмоциональная восприимчивость становятся основой нравственного чувства Вани. Он всматривается своим одухотворенным взглядом, полным любви и радости, в таинства окружающего мира. Две главы «Именин» из этого произведения посвящены отцовскому празднику, а вся последняя часть - «Скорби» – трагическим событиям: болезни отца, кончине, похоронам. Но сама смерть становится не так страшной, когда Горкин утешает мальчика – *«Не бойся, отец был добрый, на него молельщиков много, он исповедался, причастился, соборовался перед кончиной»* [Шмелев 2013: 476].

История, как и книга «Лето Господне», имеет свои «циклы»: за «Скорбями» все-таки снова вернутся «Праздники». Именно святость шмелевской Руси дает надежду, что не все потеряно, что святое прошлое имеет способность возрождаться. За смертью должно следовать воскресение и этой верой просветлены даже самые горькие страницы «Лета Господня».

Все описанное переплетается с судьбой писателя. Пережив в 1934 году чудесное исцеление от болезни, накануне тяжелой операции, он много молился преподобному Серафиму Саровскому. Также он чудом спасся во время бомбежки, когда рухнул соседний дом, и вместе с осколками стекла в его кабинет влетела бумажная репродукция картины «Богородица с младенцем». И это тоже было чудо. На следующий день в Сергиевском подворье Шмелев отслужил благодарственный молебен.

На чужбине писатель прожил около тридцати лет. Разочарованный в жизни, надломленный, он нашел в себе силы не просто жить-доживать свой век, но и активно заниматься творческой работой, сохраняя в своих произведениях память об особенном русском укладе жизни и быта. Таким образом, писатель победил не только свой страх и отчаяние, но и одержал

победу в своем творчестве: появились его произведения, удивительно радостные и светлые [Кутырина 1991: 17].

Возвращаясь в воспоминания в прошлое, Шмелев рисует постижение детской душой духа православной веры. Но, сам герой, Шмелев-ребенок, предстает перед читателями со всем опытом пройденного Шмелевым-писателем пути. Восприятие мира в этой книге – это восприятие и ребенка, и взрослого, оценивающего происходящее сквозь призму времени. Писатель создает свой особенный мир, маленькую вселенную, от которой исходит свет высшей нравственности.

Шмелев написал не художественную автобиографию в ее классическом варианте, а скорее автобиографию-житие. Его книга напоминает икону, в центре которой находится образ чистого невинного ребенка. Писатель создал невиданное по оригинальности произведение, синтезируя традиции русской классики и каноны религиозной житийной литературы, подчинив свой замысел и построив сюжет в соответствии с главными православными праздниками, церковными и народными обрядами [Макаров 2008: 16].

Кажется, в этом произведении показана вся Русь, хотя речь идет всего лишь о московском детстве мальчика Вани Шмелева. Для Шмелева-эмигранта это – «потерянный рай». Идеалом писателя была Святая Русь, поэтому он любовно воскрешает ее образы. Святая Русь, старая Москва с ее раздольем, богатством, красочностью быта живут и дышат в прекрасной автобиографической повести «Лето Господне», которая стала венцом православного мирозерцания Шмелева.

«Лето Господне» - книга для семейного чтения. Ее лучше всего читать в добрых старых традициях – вечерами, вслух, на пользу не только детям, но и самим родителям, главу за главой. Это пища для ума и сердца и ребенку, и подростку, и юноше, и взрослому человеку. Ибо никогда не поздно подумать над тем, над чем понуждает думать Шмелев: над предназначением маленького человека, вступающего в этот мир.

§2. Духовное становление детской души в повести И.С.Шмелева «Лето Господне»

Пронзительная тоска И.Шмелева по утраченной родине порождает у него страстное желание воскресить ее в Слове. Так появляется его художественный диптих – «Лето Господне» и «Богомолье», а также цикл автобиографических рассказов. Центральное место среди этих произведений, несомненно, занимает повесть «Лето Господне», над которой писатель работал с перерывами около четырнадцати лет: в 1927-1931 и 1934-1944 годах. *«В ней, - говорил писатель о своей книге, - я показываю лицо Святой Руси, которую я ношу в своем сердце... Россию, которая заглянула в мою детскую душу»* [Шмелев 1999: 118].

Чтобы как-то притупить боль от созерцания поруганной, разоренной России, избавиться от мучительных картин пережитого кровавого кошмара, Шмелев обращается к годам далекого детства. И там, отбросив весь груз юношеских рационалистических идей и более поздних теорий и представлений, открывает заново то, что некогда наполнило и питало его душу. Он всматривается в себя самого, когда-то по-детски доверчиво принявшего истину, и запечатлевает мировосприятие верующего ребенка. Когда читаешь «Лето Господне», поневоле вспоминаешь давнюю истину, что детское живет в человеке до седых волос, что в ранние годы сознание напитывается самыми главными впечатлениями на всю жизнь. Шмелев-ребенок появляется перед читателями словно бы в столпе света, умудренный всем опытом только предстоящего ему пути. Но одновременно писатель создает свой особенный, «круглый» мир, маленькую вселенную, от которой исходит свет патриотического одушевления и высшей народной нравственности [Смирнова 1991: 15].

Религиозная активность — одна из особенностей детской души. Поскольку ребёнку чужд дух компромисса, он со всей серьёзностью и искренностью следует за движениями своего сердца. В словах мальчика *«Благодать Господня шумит за окнами»* [Шмелев 1999: 359], мы видим

влечение ребенка к этой благодати. Произведение «Лето Господне» проникнуто добром, любовью, поэтому у ребенка с детства сформированы положительные черты характера. И в этом есть заслуга религии, так как мир ребенка наполнен божественной значимостью. В детском возрасте душа чиста и открыта для мировосприятия и миропонимания. Все, что относится к богослужению и молитве, — все ощущается маленьким Ваней как священное. Детский православный мир в повести — это неразрывность детских взглядов на мироздание, это индивидуальное, только детям характерное, истолковывание красоты, добра и зла, рождения и смерти, ада и рая [Шмелев 1999: 359].

В каждой главе автор воскрешает православную Россию. Он дает читателям возможность встретиться с подлинным ликом России, в которой всегда был силен русский дух. Своими воспоминаниями писатель славит русского человека, его душевную щедрость, всегда удивляющую талантливость. Без воспоминаний о прошлом не приемлемо ни настоящее, ни будущее. Поэтому столь огромна просветляющая сила произведения.

Каждая страница произведения повествует о вездесущем Боге. Это отражается в понимании ребенка и его вере в то, что Бог — везде, и с Господом все можно преодолеть. Эта Истина вошла не только в душу ребенка, но и во всю природу человека. Ваня, герой произведения, чувствует единство духовного и природного мира, религиозную сплоченность людей, свое родство со всеми. Герой живет в чувстве сопричастности ко всему миру, единства с ним. Сложнейшие изменения человеческой души Шмелев раскрывает с позиции святого отеческого наследия на канонах православия. Московские храмы, колокольные звоны, чудодейственные иконы наполняют всё пространство повести. Это то, что постоянно окружает маленького героя, на что Ваня смотрит с большим удивлением и восхищением. На Крестный ход выходят все приходы с хоругвями так, будто это одна большая церковь движется навстречу Господу и Богородице! И лишь звон колоколов, переключаясь с веселым золотым перезвоном, звучит над рекой: «По —

мни!». Москва — река, как все её храмы и святые, одухотворена. Она дышит, она «вольной водицей пахнет», с ней, с благодетельницей, можно поприветствоваться, она же безмолвствует и серебрится [Михайлов 1995: 81].

Отличительная черта детской богобоязненности — открытость детского сердца для божественного восприятия. Её можно назвать живым чувством божественного. Следует отметить, что «чувство Бога» у ребёнка сильнее процесса его интеллектуального развития. Религиозные переживания ребенка очень устойчивы. Они обладают направленностью стать главными и обогатить весь внутренний мир растущего поколения. Детское сознание воспринимает все радостно, целостно, ребенок любит весь окружающий его мир. Таким образом, благочестивое начало в душе ребенка формируется именно в благочестивом чувстве.

Религиозные представления, как правило, складываются из обликов святых, а из этого следует, что чем богаче религия ликами, тем она доступнее и легче воспринимается детской душой. Душа маленького Вани нуждается в религиозных ликах, в повести они доступны и понятны ему. Наилучшим материалом для воспитания являются рассказы о Богородице, о святых, об Иисусе Христе. У Шмелёва мы часто встречаем обращение к ликам святых, их примеру: святые апостолы Пётр и Павел, царь Константин и царица Елена, мученик Трифон, святители московские Пётр, Алексей, Иона и Филипп, соловецкие угодники, великомученица Варвара, преподобный Савва Звенигородский, преподобный Сергей Радонежский, святой Николай Чудотворец, апостол и евангелист Иоанн Богослов, мученик Иоанн Воин, святой Григорий Богослов, мученики Сергей и Вакх, великомученик Георгий Победоносец, святые Косма и Дамиан [Михайлов 1995: 82-85]. Даже живые люди являются для мальчика носителями святости. Например, Горкин — «*совсем святой*» [Шмелев 1999: 291].

Итак, религиозная духовность, глубоко верующие люди, окружающие Ваню в повести Шмелева, играют решающую роль в развитии и становлении личности мальчика. Ребенок растет и развивается в радостном сознании

божественной сути бытия, в ощущении живого Бога, Его постоянного присутствия в окружающем мире и людях. Воспитатель Горкин применяет педагогику любви и добра к воспитаннику и руководствуется своими религиозными взглядами. Духовный наставник также обнаруживает тонкое знание детской психологии, описывая проблемы, волнующие маленького героя. Понимание исповеди маленьким Ваней еще во многом наивно, примитивно и неизведанно им полностью, но его исповедь вместе с тем — это истинное покаяние, в момент которого он, может быть, прямо не осознавая того, обращается к самой сущности этого таинства *«на вопросы отвечаю искренне вспоминаю одиноких Богородицу и Иоанна Богослова, Распятие, свою мать, и мне хочется плакать, просить прощения»* [Шмелев 1999: 144].

Наивная непосредственность и искренность шестилетнего ребенка дают оценку всем явлениям жизни. На Троицу маленький герой видит себя и свое окружение по-новому: и двор, и мир за домом — другими глазами. Молитва освящает все — и жизнь, и двор, и животных, и яблоки, и даже воздух. Так открываются духовные глаза ребенка. Постепенно Ваня понимает, что всех людей, живущих рядом с ним, объединяет светлое чувство, которое на первое место, прежде всего, ставит Бога.

Шмелев не скрывает и «обыденной греховности» некоторых персонажей. Напротив, он обнажает человеческие скверности и прежде всего главный национальный недуг — пьянство. В повести есть сюжет, когда по дороге в церковь, где будет стояние, падает пьяный парень и ругается ужасными словами. В душе ребенка, конечно, тревожно: с одной стороны — ожидание светлого праздника, с другой — страх от того, что есть люди, которым на это наплевать. Здесь писателя интересует столкновение в человеческой душе божеского и дьявольского, света и тьмы, добра и зла. Так Ваня вступает в давно существующий мир взрослых людей со всеми его достоинствами и недостатками. Но он таит в глубине души уверенность, что

лично он избежит такой жизни и поступков, которые пугают его во взрослых [Антамошкина 2015: 23].

Постепенно душа Вани зреет, раздвигая пределы детского сознания. Вот он стоит возле храма Христа Спасителя - будущей золотоголовой жертвы русского народа. Еще не разрушенный большевиками храм будто мечтает о новом возрождении, в новой России. Герой Шмелева взлетает духом выше и чище, потому что взирает на здравствующий исконный храм и ничто не омрачает его душу. А мысли и чувства его теперь такие: *«Это - мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы, и дымные облачка за ними, и это моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов - были во мне всегда. И все я знаю. И щели в стенах - знаю. Я глядел из-за стен. Когда?.. И дым пожаров, и крики, и набат, - все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны, - все мнится былью, - будто во сне забытом»* [Шмелев 2013: 43].

Это уже не сказочное детское чувство, а родовая память, пробуждающееся чувство национальной гордости и причастности к русской истории и народным святыням. Сознание маленького Вани «нагружено» прошлым, в нем генетически присутствует тысячелетний опыт православной России. Ощущение себя в истории, восприятие прошлого как реальности – характерная черта художественного мышления автора и особенность внутреннего мира героя. И нас, как читателей и соотечественников Шмелева, охватывает именно такое ощущение, очищающее и исцеляющее душу. Вместе с автором этой замечательной повести хочется верить, что душа Родины - светлая! [Журавлева 1997: 68-70].

Но нужно учитывать, что Шмелев показывает жизнь именно детской души. В восприятии ребенка весь окружающий мир предстает просветленным, обожженным, где «ничего не страшно» и «всем хорошо». В духовной реальности, воспроизведенной Шмелевым, нет ужасов и злобы «мира сего», нет бесовских напастей и тяжелых падений. Герою, по-детски «сокрушающемуся» о грехах, неведома жестокая «духовная брань», преодоление различных соблазнов, наполняющих окружающий мир.

Главное, что открывает Шмелев в душе ребенка,— чувство присутствия Бога, доверчивую любовь к Нему и надежду на Него во всем.

В душе ребенка живет ощущение и сознание личного общения с Богом, с миром святости, он воспринимает все события церковной жизни как реальное взаимодействие человека и тех, кто приходит на землю из той жизни. Шмелев показывает, как впервые в душу человека проникает сознание страшной тайны – бытия Божия. *«Мне делается страшно. Я смотрю на Распятие. Мучается Сын Божий! А Бог-то как же как Он допустил? Чувствуется мне в этом великая тайна – Бог»* [Шмелев 2013: 321].

Жизнь героя представлена как бы вне конкретного времени, все опирается лишь на время церковное, текущее по каким-то особым, неземным законам. Движение совершается от радостей к скорбям. От вступления в сознательный отроческий возраст – к смерти. К смерти еще не собственной физической, но к переживанию смерти – в прощании с умирающим отцом. Здесь, мы видим, раскрывается подлинно христианская кончина: через церковное приготовление к смерти в таинствах – к отхождению. Христианская кончина – и горе, и радость. Не случайно в самый момент смерти отца мальчик погружается в некое райское видение, в котором он встречается со здоровым и радостным отцом. Скорбь расставания и радость ожидания новой встречи – там, в ином мире [Кутырина 1991: 19].

«Действующими лицами» в повести можно назвать святые иконы, так как вся жизнь персонажей тесно связана с ними. В произведении мы видим святое почитание ко всем иконам, чувствуем живое общение с иконой мальчика Вани. А вот прямо над воротами Спасской башни помещалась икона Спаса Нерукотворного, одного из наиболее почитаемых святых всего православного мира. Ворота Спасской башни — это святые ворота. Чтобы пройти через Спасскую башню, каждый человек должен был снять шапку и перекреститься. За исполнением этого правила следила охрана башни. Если

кто-то из приезжих не снимал шапку, его ловили и заставляли отбивать пятьдесят поклонов перед Спасом [Михайлова 1997: 21].

Христианство героев Шмелева проявляется в быту и в церковности. Мы невидимым взглядом наблюдаем за его героями на исповеди, святом причастии, а также во время исполнения других церковных обрядов. Необыкновенно благочестиво представлен читателям священный обряд — Причащение святых Христовых Таин. Принято, что причащение бывает на Литургии, главном церковном богослужении. «Литургия» переводится с греческого как «общее дело». В этом таинстве «абсолютно трансцендентное становится имманентным»: человек входит в живое общение с Богом. Говоря о причастии детей, что через принятие Святых Христовых Таин дитя соединяется с Богом «живо и действенно». Тело и Кровь Христовы освящают мальчика, умиротворяют его, делают неприступным для тёмных сил.

В повести представлен читателю так же церковный обряд — Осенение крестным знаменем. Крестное знамение исходит из истоков времен раннего христианства. Крестное знамение — это безмолвная молитва, благословение и символ веры. Накладывая крест, верующий христианин святит свои мысли, чувства и деяния своих рук. Тема креста в «Лете Господнем» — одна из центральных. Тропарь святому Кресту любит напевать Сергей Иванович, «папашенька» Вани: *«Кресту твоему поклоняемся, Владыка...»* [Шмелев 1999: 56]. И он несет крест свой до конца. Он объясняет и поучает мальчика: *«Каждому даётся крест, чтобы примерно жить... и покорно его неси»* [Шмелев 1999: 328]. И у Горкина, который является духовным наставником Вани, — свой крест. То же можно сказать обо всех персонажах повести. В «Лете Господнем» вообще много и часто крестятся.

Маленький Ваня на всем протяжении повести принимает участие в церковном обряде — окропление святой водою. Её благодатное и целительное действие на верующих испытано и проверено веками. Обычная вода, освящённая крестом и молитвой священника, приобретает чудодейственные свойства через окропление освящать всё вокруг

и прогонять бесовскую силу во всех её проявлениях. Освящённая вода есть образ Божьей благодати: она очищает от духовных скверн, освящает верующих и укрепляет их веру. Святая вода всегда присутствует при освящении храмов и всех предметов, употребляющихся в богослужении. Ею окропляют на крестных ходах, при молебнах. В праздник Крещения Господня каждый православный христианин несёт святую воду в дом, хранит, как величайшую святыню, с молитвой употребляя в болезнях и немощи. Ваня участвует и ощущает церковный обряд — Благословение священника. Говоря о благословении священника, важно понимать, что благословение исходит от Бога, а не от Священника. [Морозов 2000: 17].

До 15 лет хождение в церковь было для Шмелева обязательным. Это оставило заметный след в его душе. Малопонятные церковные слова, святые таинства, службы — давали эстетическое наслаждение душе. Именно христианское воспитание определило характер писателя, глубинные закономерности его художественного мышления. Шмелев показывает нам такую модель воспитания, в основу которой положена православная мудрость и мораль, опирающихся на традиции, к которым взрослые редко обращаются. Священники, так же как и психологи отмечают, что духовное начало в человеке, а также религия, как психическая функция, не может быть устранена из души человека. Вера в Бога для мальчика не нудное обязательство, а ежедневный праздник служения. Герой черпает в религии огромную силу, ему хочется еще и еще прикоснуться к тому чистому, светлому, доброму и справедливому, что несет с собой истинная вера. Нацеленность на любовь и добро — великая заслуга Православия, запечатленная писателем в его произведении. Автор доказывает, что учение Христа логично и легкодоступно для детского восприятия [Михайлов 1995: 68].

Православие Шмелев считал купелью русской литературы, поэтому в произведении раскрывается тяга к религии, как к одной из важных граней

нравственной философии. Читатель, даже слабо разбирающийся в обрядовой стороне русского православия, легко вступает в мир, создаваемый писателем.

На примере этой повести автор не идеализирует прошлое, а запечатлевает жизнь как лад и равновесие, как бытие, основанное на духовных традициях предков. Именно такой жизнью проживал его автобиографический герой. На протяжении счастливого детства у мальчика сформировались духовные качества, несомненно, с помощью православной культуры. Добро, любовь, красота выступают как начальная и в то же время конечная цель познания автобиографического героя – истина, к которой он устремлен, но до конца еще не исчерпал.

Впервые в русской художественной литературе столь полно и глубоко воссоздан церковно-религиозный пласт народной жизни. В психологических переживаниях персонажей Шмелева открывается душевно-духовная жизнь православного христианина. Удивительный язык Шмелева органически связан со всем богатством и разнообразием живой народной речи, в нем отразилась сама душа России. Писатель, как искусный реставратор, восстановил и явил нам сияющий облик святой Руси [Дунаев 1999: 190-194].

Смысл и красота православных праздников, обрядов, обычаев, остающихся неизменными из века в век, раскрыт настолько ярко и талантливо, что книга стала подлинной энциклопедией русского Православия.

§3. Методические рекомендации по составлению программы элективного курса «Литература русского Зарубежья»

Русская зарубежная литература XX века – эта одна из лучших страниц отечественной культуры, созданная крупнейшими ее талантливыми писателями, оказавшимися в силу тех или иных обстоятельств в эмиграции. Ими были созданы многие шедевры русского словесного искусства. Долгие годы они были закрыты для изучения в школе, ограниченность учебного

времени в современных программах не позволяет раскрыть особенности литературы русского зарубежья в полном объеме.

Элективный курс дает возможность раскрыть трагические страницы русской истории, по-новому взглянуть на известные исторические факты и литературный процесс в России XX века.

Важно учитывать, что официальная литература и запрещенная русская литература – это не две разных литературы, «русская зарубежная литература есть временный отведенный в сторону поток общерусской литературы, который вольется в общее русло этой литературы» (Струве Г. «Русская литература в изгнании»). Просуществовав достаточно много лет «неизвестная» для русского читателя литература в настоящее время стала открытой и вызывает искренний интерес.

Элективный курс «Литература русского Зарубежья» позволит расширить рамки школьной программы, рассмотреть литературное творчество русских писателей-эмигрантов. Литература русской эмиграции является неотъемлемой частью нашей национальной культуры, так как она основана на классических традициях, без которых невозможно творчество русских писателей по своим истокам и связям с родиной.

В основе содержания и структуры курса лежит концепция литературного образования. Курс литературы 11 класса предусматривает изучение литературного процесса XX века. Элективный курс дает возможность более подробно остановиться на литературном процессе русского зарубежья, творчестве писателей-эмигрантов, на изучение творчества которых в программе отведено недостаточно времени.

Цель курса - способствовать становлению духовно развитой личности учащихся, сформировать представление о литературе русского зарубежья как о национальном, историческом, эстетическом явлении; формировать нравственные позиции, научить анализировать произведения литературы, понимать их нравственную и эстетическую значимость;

развивать художественный и эстетический вкус; совершенствовать владение речью.

Отсюда вытекают следующие **задачи**:

- сформировать представления о литературе русского зарубежья и ее месте в культуре страны и народа;
- совершенствовать навыки аналитического подхода к произведениям русского зарубежья;
- формировать основные эстетические и теоретико-литературные понятия, которые способствуют более глубокому постижению конкретных художественных произведений;
- продемонстрировать возможности литературно – критических жанров (аннотация, рецензия, эссе, обзор литературных журналов) и помочь учащимся овладеть ими;
- показать национальное своеобразие, связь с традициями классической русской литературы и новаторство литературы русского зарубежья.

Решение названных задач может способствовать формированию гармонически развитой личности с высокими нравственными идеалами, эстетической культуры, поможет учащемуся осознать главные ценности в окружающем мире.

Данная программа основывается на следующих **аспектах**:

1) эстетический:

- формирование навыков и умений владения выразительными средствами литературного языка;
- развитие художественного вкуса учащихся.

2) нравственный:

- приобщение учащихся к духовным ценностям человеческого бытия;
- формирование положительных качеств личности.

3) речевой:

- совершенствование устной и письменной речи;

- обогащение словарного запаса учащихся.
- 4) культурологический:
- расширение обзора творческого пути писателей;
 - выявление общественного и литературного значения творчества писателей русского зарубежья;
 - воспитание культуры чтения.

Содержание учебного материала курса:

1. И.А.Бунин в эмиграции. Основные этапы творчества после 1924 года. Трагические ощущения после разрыва с родиной. «Окаянные дни» - публицистический рассказ о судьбе России: тематика, проблематика, образная система, особенности поэтики.
2. А.И.Куприн. Проблематика, особенности сюжета и композиция романа «Юнкера»
3. Б.К.Зайцев – «поэт прозы». «Преподобный Сергей Радонежский»
4. А.М.Ремизов «Взвихренная Русь» – размышления писателя о трагической исторической судьбе России.
5. И.С.Шмелев как художник старой России, «бытописатель русского благочестия» (архиепископ Серафим). Повесть «Лето Господне» – идеализация старой патриархальной России. Становление русской души, тема детства в повести. Индивидуальный стиль писателя, особенности языка: «живая, подлинная речь народа со всех концов России»

За время изучения курса каждый ученик имеет возможность приобрести знания о литературе русского Зарубежья:

- получить основные сведения по теории и истории литературы, особенности построения и языка художественного произведения;
- иметь представления о жизни и творчестве писателей, по той или иной причине эмигрировавших из России;
- знать тексты художественных произведений и критические работы на эти произведения;

- представлять общую историческую и политическую обстановку, в которой создавались произведения русского зарубежья.

После изучения элективного курса «Литература русского зарубежья» учащиеся должны:

- знать содержание предлагаемых произведений;
- проводить анализ произведений;
- выявлять позицию автора;
- понимать особенности стиля писателя;
- оценивать позиции, поступки героев;
- находить связь литературных процессов с исторической эпохой;
- уметь выступать с докладом, презентацией на уроках-семинарах, диспутах;
- подбирать информацию на заданную тему с помощью различных источников.

Подведение итогов элективного курса

Подвести учащихся к заключению того, что литература русского Зарубежья занимает достойное место в едином литературном процессе. Литература русского Зарубежья является связующей нитью между русской и мировой литературой. Сохранение классического русского литературного языка является заслугой писателей первой волны эмиграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В теоретической части данной работы было описано и изучено понятие духовного реализма, как отражение религиозной культуры в художественной литературе, выявлены религиозно-нравственные основы художественного мира И.С.Шмелева, рассмотрен вопрос о том, как менялось духовное мировосприятие писателя в течение всей жизни и как оно отразилось в его художественных произведениях «Человек из ресторана», «Неупиваемая чаша» и «Лето Господне».

В ходе работы определено, что во время работы над повестью «Человек из ресторана» (1911г.) в творчестве писателя произошел поворот, смысл которого можно обозначить как «отход от социальной истории». В период создания повести Шмелев находился еще под воздействием революции, которая оставила глубокий след в жизни России, в сознании и психике людей. У автора это проявилось в его осмыслении образа революционера Николая Скороходова, сына главного персонажа повести. Николай – образец моральной чистоты и стойкости. И он убежден в собственной правоте, в справедливости революционной борьбы. Работа над повестью «Человек из ресторана» приходится на тот переломный момент, когда писатель начал отдавать предпочтение религиозной истине, хотя и не отказался от разработки социальных мотивов при анализе жизненных явлений. Шмелев в изображении «маленького человека» показал главную суть его духовного прозрения. Мы видим, что главный герой Яков Скороходов способен понять подлинные ценности жизни, его мысли и поступки контролируются глубоким религиозно-нравственным чувством. Следует отметить, что главным, новаторским в повести было и то, что автор сумел полностью перевоплотиться в своего героя, увидеть мир глазами другого человека.

Ко времени написания повести «Неупиваемая чаша» Шмелев – уже человек веры, поэтому часто повторяющееся в повести слово «радость» имеет не обычный, но духовный смысл. Радость возникает при соприкосновении с духовными предметами. Автор задумывается над главной темой Нового Завета – темой спасения человека через его освящение, которое стало возможным после прихода Иисуса Христа. В этом смысле «Неупиваемая Чаша» – повесть, в которой плещется через край духовное личное настроение Шмелева, ставшее для него откровением.

Краткий жизненный путь Ильи Шаронова, главного героя «Неупиваемой чаши» – путь к Богу и путь в бессмертие. Автор избегает прозаической прямолинейности и строгой однозначности в мотивировке этого пути. Его бессмертие как бы полисемично, многомерно и может быть

рассмотрено в трех плоскостях. Первое – создание Ильей необыкновенного портрета и чудотворной иконы, которые дарят людям радость надмирную и открывают вечную Красоту. С другой стороны, судьба Ильи Шаронова своеобразно рифмуется с образами, им запечатлеваемыми так, что в конце концов жизнь его складывается в миф, предание. Теряется, становится неуловимой та грань, которая отделяет реальность жизни от сна (жизнь – не сон, не явь). Существование человека превращается в миф. И наконец, судьба героя вписывается в некий жизненный поток, где путь каждого мифологичен. На сей раз писатель выстраивает содержание своего произведения как верующий человек, так и выходит, что путь каждого – путь к Христу Спасителю. Он обязателен, и непременно его составляющими будут грех и покаяние. Этот путь един для всех: от апостолов и великомучеников до простых смертных.

В результате исследования определена ценность познания радости духовной, божественного откровения через радость творчества и любовь, а за ней и постижения самого Бога, полное обращение к нему, которое становится для героя смыслом его жизненного пути. В работе рассмотрен этот мотив как в социальном, так и в духовном аспектах: проанализировано, как одно из самых важных понятий христианства, столь полно осмысленное в святоотеческой литературе, понимается автором и главным героем повести.

Путь Шмелева к вере был мучителен и сложен. Детство писателя прошло в православной патриархальной семье, оставив навсегда глубокий след в сердце писателя о вере. В автобиографической повести «Лето Господне» писатель дает отличную картину истинно христианского восприятия действительности, в которой любовь к Богу и Божьему миру – основа всего. Здесь мы наблюдаем за процессом становления духовных качеств ребенка в момент постижения им мироощущения православной культуры. Благодаря душевному таланту Горкина, мальчику рано открылась красота и сокровенный смысл молитв, вековая мудрость Святого Писания. Горкин сумел превратить в каждодневный праздник для своего воспитанника

то, чего недолюбливали другие дети. Шмелев показывает счастливого ребенка, которому открылось учение Христа во всей его любви к людям, прощением, раскаянием, желанием жить праведно на благо всего сущего. Мы видим, как мальчик черпает в религии огромную силу, ему хочется еще и еще прикоснуться к чистому, светлому, мудрому и справедливому, что несет с собой истинная вера. Нацеленность на любовь и добро – великая заслуга Православия, запечатленная писателем в его произведении. Содержание каждой главы повести – это открытие ребенком мира, своеобразия народных типов и характеров, зарождение и укрепление в его душе чувства Родины, православной веры, духовности и святости. В повести «Лето Господне» автор последовательно раскрывает читателю этапы формирования духовных качеств ребенка, а также самобытное становление русского национального характера, прослеживая рост, наполнение и развитие души ребенка. Проанализировав повесть, мы видим, что учение Христа логично и легкодоступно для детского восприятия.

Христианские ценности становятся все более не востребованными, не только как следствие их «устарелости и не современности», но и неправильного их толкования. Часто людям нужна не осведомленность, а те вещи, которые могут дойти до них, нужен живой контакт, как между читателем и ребенком в «Лете Господнем», который может затронуть душу, подвести к нужной мысли, вдохновить. Поэтому книги Шмелева являются уникальными. В них автор передает нам Живого Бога, живую веру, реальность Бога, все же остальное здесь, что и составляет «энциклопедию русского православия» только прикладывается. Святость в изображении Шмелева очень доступна каждому.

Духовная жизнь шмелевских героев – праздник пронзительной любви к родному краю, праздник служения родной земле, поддержания ее традиций, обрядов, верований, трогательного поклонения ее святыням (в этом смысл жизни русского человека), преодоление скорби, испытывающей душу, взросление.

Таким образом, можно сказать, что в данных произведениях для Шмелева важны были не сами описываемые события, а те духовные искания героев, которые одни и имеют, по мнению автора, смысл для человека.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что духовные искания И.Шмелева – это медленный, трудный, постепенный путь писателя к вере, который отразился в его художественных произведениях. Свою миссию Шмелев понимал в служении России, которая для него покинута и куда нет возврата. Но он доказал, что и вне России можно творить для России, для ее спасения, возвращая своими произведениями подлинный лик Родины, потерянную Правду, а эта Правда состоит в познании Бога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Теоретические работы:

1. Аванесян, И.Б. Проблемы изучения духовного реализма как художественного метода в современном литературоведении [Текст] / И.Б.Аванесян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №2. – С. 13-15.
2. Аганосов, В.В. Самый русский из писателей [Текст] / В.В.Аганосов // Литература русского зарубежья. – Москва, 1998. – С.3-13.
3. Адамович, Г. Иван Шмелев [Текст] / Г.Адамович // Одиночество и свобода. – Москва, 1996. – С.3-7.
4. Алексеев, А.А. Проблема духовного реализма в русской классической литературе XIX века [Текст] / А.А.Алексеев // Дергачевские чтения – 98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. – Екатеринбург, 1998. – С. 22-24.
5. Басинский, П. Русская литература конца XIX - нач. XX вв. и первой эмиграции [Текст / П.Басинский, С.Федякин ; под общ. ред. П.Басинского. – М.: Изд-во Academia, 1998. – 437 с.
6. Басинский, П. Иван Сергеевич Шмелев (1873-1950) [Текст] / П.Басинский // приложение к газете "Первое сентября". - 1996. – июль.
7. Басинский, П., Иван Шмелев. Борис Зайцев. Зинаида Гиппиус [Текст] / П. Басинский // гл. из учебника "Серебряный век и русское зарубежье 1-й волны» // Литературная газета. - 1998, - №15.
8. Березовая, Л.Г. Культура русской эмиграции (1920-30-е гг.) [Текст] / Л.Г. Березовая // Новый исторический вестник. – 2001. – №5. – С.120-173.
9. Давыдова, Т.Т. Духовные искания И.С. Шмелева (повесть "Человек из ресторана") [Текст] / Т.Т.Давыдова // Литература в школе. - 1996. - №6. – С.8-16.
10. Дзыга, Я.О. Традиции русской классической литературы в эмигрантском творчестве И.С.Шмелева [Текст] / Я.О. Дзыга // Русский язык за рубежом. – 2009. – №2. – С.83-88.

11. Дзыга, Я.О. Каждый из нас свое поет (И.С.Шмелев и И.А.Бунин в литературе зарубежья) [Текст] / Я.О. Дзыга // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – №2. – С.140-145.
12. Дзыга, Я.О. Бытописание И.С.Шмелева и традиции русской литературы [Текст] / Я.О. Дзыга // Вестник Сургутского государственного пед. университета. – 2011. – №2. – С. 99-105.
13. Дзыга, Я.О. К вопросу об эволюции художественного сознания «чистокровного реалиста» И.С.Шмелева [Текст] / Я.О. Дзыга // Наука, образование, культура. – 2016. – №1. – С. 161-166.
14. Дунаев, М.М. Творчество И.С. Шмелева (1873-1950) [Текст] / М.М.Дунаев // Православие и русская литература – Москва, 1999. – Ч.5. – С. - 7-29.
15. Дунаев, М.М. Творчество И.С. Шмелева периода 1-й русской революции [Текст] / М.М.Дунаев // Русская литература – Москва, 1976. – С.17 - 22.
16. Дунаев, М.М. Православие и русская литература [Текст] / М.М.Дунаев. – Москва, 1999. – Ч.5. – 663 с.
17. Дунаев, М.М. Православие и русская литература [Текст] / М.М.Дунаев. – Москва, 2000. – Ч.6. С.415.
18. Захарова, В.Т. Поэтика прозы И.С.Шмелева [Текст] / В.Т. Захарова. – Нижний Новгород, 2015. – С. 62.
19. Ильин, И.А. Почему мы верим в Россию [Текст] / И.А.Ильин // Новое время №10, 1991г.
20. Ильин, И.А. Переписка двух Иванов (1927-1934) [Текст] / И.А.Ильин // Собрание сочинений – Москва, 2000. – С. 64-72.
21. Казанцева, И.А. Традиция осмысления православия в контексте «детской» темы в творчестве современных русских писателей [Текст] / И.А. Казанцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2009. – №114. – С. 140-147.
22. Кутырина, Ю.А. Трагедия Ивана Шмелева [Текст] / Ю.А. Кутырина // Слово №2. 1991

23. Литература русского зарубежья [Текст] : учеб.-метод. пособие для студентов – филологов / под ред. Л.Х. Насрутдиновой. – Казань, 2007. – С. 217.
24. Любомудров, А.М. Прибежище и надежда. Саровский чудотворец в рассказах русского зарубежья [Текст] / А.М. Любомудров // Христианство и русская литература: сборник статей – Санкт-Петербург, 1994 – С. 17-25.
25. Любомудров, А.М. К проблеме воцерковления героя [Текст] / А.М. Любомудров // Христианство и русская литература: сборник статей - Санкт - Петербург, 1994 – С. 10-14.
26. Любомудров, А.М. Православное монашество в творчестве и судьбе Шмелева [Текст] / А.М. Любомудров // Христианство и русская литература: сборник статей - Москва, 1994. – С. 27-38.
27. Любомудров, А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья [Текст] / А.М. Любомудров // Российская академия наук, институт русской литературы (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург, 2003. – С.120.
28. Любомудров, А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе [Текст] / А.М. Любомудров // Вестник славянских культур. – 2008. – Т. 9, №1-2. – С. 113-120.
29. Любомудров, А.М. Чудо перерождения. Гоголь, Шмелев и их герои в поисках пути к истине [Текст] / А.М. Любомудров // Литература в школе. – 2012. – №4. – С.13-16.
30. Макаров, Д.В. Идеальный образ России в повести И.С.Шмелева «Лето Господне» [Текст] / Д.В.Макаров // Литература в школе. – 2008. – №4. – С.14-16.
31. Малахин, В. Пути правды: Право в жизни и творчестве И.С. Шмелева [Текст] / В.Малахин // Юридическая газета. - 2000. - №3.
32. Мельник, В.И. «Неупиваемая чаша» И.Шмелева [Текст] / В.И.Мельник, Т.В.Мельник; под общ. ред. В.И.Мельник. – Симферополь, 1998. – С. 28-31.

33. Минералова, И.Г. «Неупиваемая чаша» И.С.Шмелева [Текст] / И.Г. Минералова // Литература в школе. – 2003. – №2. – С.2-8.
34. Михайлов, О. И.С. Шмелев (1973-1950) [Текст] / О.Михайлов // Литература русского зарубежья. – Москва, 1995 – С. 52-70.
35. Михайлова, М.В. «Художник обездоленных» или «писатель без человека» [Текст] / М.В.Михайлова // Русская словесность. – 1997. - №5.
36. Никонова, Т.А. Духовная ценность быта в книге И.С.Шмелева «Лето Господне» [Текст] / Т.А. Никонова, Е.В. Юденкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Филология. Журналистика. – 2015. – №4. – С. 49-52.
37. Пак, Н.Н. Пути обретения России в произведениях Б.К. Зайцева и И.С. Шмелева (образ монастыря) [Текст] Н.Н.Пак // Литература в школе. – 2000, - №2. – С. 14-18.
38. Пестов, Н.Е. Современная практика Православного благочестия. [Текст] / Н.Е.Пестов. – М. : 2002. – Т.2. – 466 с.
39. Преп. Симеон Новый Богослов. Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. [Текст] / Т.1. – С.52.
40. Примочкина, Н.Н. Детство в произведении «Лето Господне» И.С.Шмелева [Текст] / Н.Н. Примочкина // Литература в школе. – 2003. – №7. – С.2-4.
41. Примочкина, Н.Н. Символистские мотивы в повести И.С.Шмелева «Неупиваемая чаша» [Текст] / Н.Н. Примочкина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, №3. – С.54-59.
42. Руднева, Е.Г. Идея синтеза художественных традиций в повести И.С.Шмелева «Неупиваемая чаша» [Текст] / Е.Г.Руднева // Русское зарубежье: история и современность; сб. стат. вып. 1. к 90-летию академика Е.П.Челышева / гл. ред. Ю.В.Мухачев. – Москва, 2011. – С. 207-212.
43. Смирнова, Л.А. Шмелев И.С. [Текст] / Л.А.Смирнова – Москва, 1993. – С.12.

44. Смирнова, М. И.С. Шмелев, время и судьба (к биографии русского писателя) [Текст] М.Смирнова // Согласие. - 1991. - №1. – С. 14-17.
45. Спиридонова, Л. Мы живем в снах и легендах: к 50-летию со дня смерти И.С. Шмелева [Текст] / Л.Спиридонова // Независимая газета – 2000. -31 марта.
46. Спиридонова, Л.А. К вопросу о творческом методе И.С.Шмелева [Текст] / Л.А. Спиридонова // Русское зарубежье. – 2005. – №1. – С. 50-61.
47. Струве, Г. Русская литература в изгнании [Текст] / Г.Струве // – Париж-Москва,1996. – 54 с.
48. Творения иже во святых Отца нашего Тихона Задонского. [Текст] / Изд. 5-е. – Т.Ш.М. – 1889. – 390 с.
49. Умникова, Е.А. Образ Святителя Николая в художественном мире И.С.Шмелева [Текст] / Е.А. Умникова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. – 2010. – №4. – С. 143-145.
50. Усенко, Л.В. Духовные искания И.С. Шмелева (Валаамский монастырь в творчестве писателя) [Текст] / Л.В.Усенко, Е.Г.Ивченко; под общ. ред. Л.В.Усенко. - Ростов на Дону , 1997 – 48 с.
51. Черников, А.П. И.С. Шмелев (1895-1950) [Текст] / А.П.Черников // Проза и поэзия серебряного века. – Калуга, 1993. – 102 с.
52. Черников, А.П. Творчество И.С. Шмелева (1895-1917) [Текст]: диссертация на соискание ученой степени кандидат филологических наук / А.П.Черников // Москва, 1974. – 112 с.
53. Черников, А.П. «Великий мастер слова и образа»: к 140-летию со дня рождения И.С. Шмелева [Текст] / А.П.Черников // Литература в школе. – 2013. – №10. – С.2-8.
54. Шепаров, Д. Высокое небо Ивана Шмелева [Текст] / Д.Шепаров // Трибуна. – 1999. – 26 октября.
55. Шмелев, И.С. «Я сам был свидетелем»: (переписка писателя с адмиралом

М.А. Кедровым, 1936) [Текст] / И.С.Шмелев // Литературная газета. – 2000. – №6. – С. 16 - 23.

56. Шмелев, И.С. Автобиография [Текст] / Публикация А.П. Черникова (к 100-летию со дня рождения писателя.1873-1950) // Русская литература. – 1973, - №4. – С. 58-67.

57. Шмелев, И.С. Для гения нужна особая свобода: Письма И.С.Шмелева А.Б. Дерману (1917-1919) [Текст] / Публ., предисл. и примеч. Е.А. Осьмининой // Литературное обозрение. - 1997. - №4. – С. 6-11.

II. Список использованных словарей:

1. Русские писатели XX века. Библиографический словарь [Текст] / Под ред. Н.Н.Скатова. – М.: «Просвещение». –1998. – Ч. 2. - С. 603-608.
2. Русские писатели XX века. Библиографический словарь [Текст] / Под ред. П.А.Николаева. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». – 2000.

III. Список источников:

1. Иванов, А. Пути небесные [Электронный ресурс] / А.Иванов. – Режим доступа: // [http: www.rusk.ru](http://www.rusk.ru)
2. Леонидов, В. Знаю, придет срок, Россия меня примет... [Электронный ресурс] / В.Леонидов. – Режим доступа: // [http: exlibris.ng.ru](http://exlibris.ng.ru)
3. Обуховская, Л. Иван Шмелев и духовная культура православия [Электронный ресурс] / Л. Обуховская. – Режим доступа: // [http: www.aha.ru](http://www.aha.ru)
4. Петров, С. И.С.Шмелев [Электронный ресурс] / С.Петров. – Режим доступа: // [http: www.lbn.ru](http://www.lbn.ru)
5. Сухинина, Н.Е. Будни и праздники Господнего Лета [Электронный ресурс] / Н.Е.Сухинина. – Режим доступа: // [http: www.rusk.ru](http://www.rusk.ru)

6. Таянова, Т.А. И.С.Шмелев и И.А.Ильин (к проблеме религиозного типа художественного сознания в русской литературе XX века) [Электронный ресурс] / Т.А.Таянова. – Режим доступа: // [http: www.voskres.ru](http://www.voskres.ru)
7. Электронное научное издание творческих рукописей И.С.Шмелева 1895 - 1922гг. [Электронный ресурс] / Соболев Н.И., Вяль Е.Н., Сосновская О.А. и др.– Петрозаводск, 2014-2016. – Русский язык. – Режим доступа: // [http: philolog.petrtsy.ru / shmelev / kodex.html](http://philolog.petrtsy.ru/shmelev/kodex.html)
8. Шмелев, И.С. Лето Господне [Текст] / И.С.Шмелев. – М.: Детская литература, 2013. – 526 с.
9. Шмелев, И.С. Богомолье [Текст] / И.С.Шмелев. – М.: Детская литература, 2012. – 365 с.
10. Шмелев, И.С. Солнце мертвых [Текст] / И.С.Шмелев. – М.: Эксмо, 2014. – 636 с.